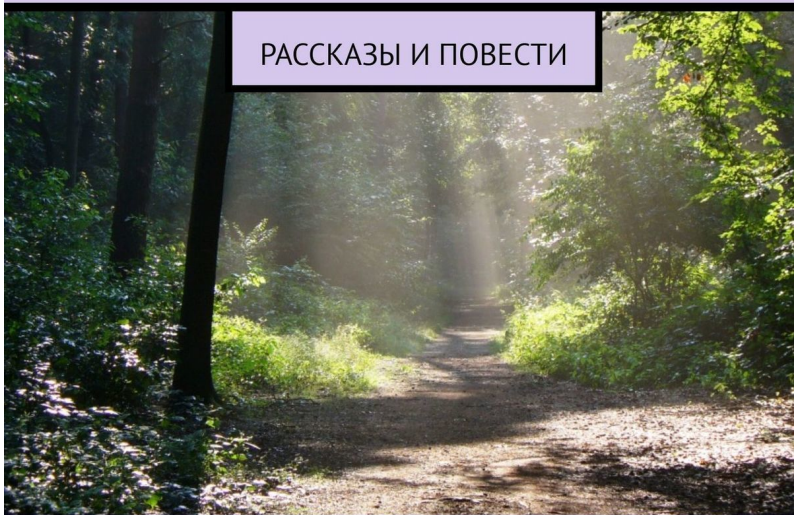

КАРЛ ШИФНЕР

Конфиденциальный разговор

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

Карл Шифнер

Конфиденциальный разговор. Рассказы и повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38613903

ISBN 9785449357366

Аннотация

Книга открывается рассказом о тернистом жизненном пути автора Карла Шифнера. Этот очерк написан его супругой Любовью Шифнер, так как сам автор покинул этот мир в июле 2018 года после тяжёлой скоропалительной болезни. В книге опубликованы рассказы и повести. Общая черта, объединяющая большие и малые произведения книги – это прямое соучастие, сопереживание автора всем своим героям, о которых он ведёт своё неторопливое повествование. Главные герои повестей и рассказов – люди искренние и добрые.

Содержание

Тернистый путь	5
Рассказы	13
Конфиденциальный разговор	13
Ветреная погода	19
Ночные разговоры	37
До берега далеко	45
Встреча на лесной тропе	57
Песня тайги	59
Свидание с Гизелой	67
Северные лилии	89
Снятся форели	95
Уроки Кармен	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

**Конфиденциальный
разговор
Рассказы и повести**

Карл Шифнер

© Карл Шифнер, 2019

ISBN 978-5-4493-5736-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тернистый путь

Жизненный путь Карла Шифнера был непростым, как и у многих российских немцев.

Более двух веков назад его предки покинули историческую родину – Германию и обосновались в России. Трудолюбивый немецкий народ быстро проявил себя. Крепкие хозяйства в деревнях и хуторах были тому примером. Но после революции 1917 года советская власть быстро расправилась с ними, конфисковав у них нажитое имущество и отправив осваивать сибирские земли.

С началом Великой Отечественной войны российских немцев ждало новое, ещё более жестокое испытание. На их головы посыпались карательные указы – о депортации, трудармии, введении комендатуры и вечном поселении в местах ссылки.

Многим семьям российских немцев нужно было собраться в течение двадцати четырёх часов, покинуть свой дом и с детьми шагать в «неизвестность». Других представителей немецкой национальности ждали «телячьи вагоны» и поездка по необъятным просторам Советского Союза вплоть до Казахстана и других отдаленных точек страны. Причём, путешествие сопровождалось охраной, не было элементарных удобств, без воды и еды. Разумеется, не все выдержали такое страшное испытание. Кто выжил – прямой наводкой

в Трудовую армию, иными словами – концлагерь, откуда почти никто не вернулся ни живым, ни мёртвым. Отправляли в этот ад не только мужчин, но и женщин, дети которых были старше трёх лет. Куда денутся сироты, оставшиеся без матери, власть не интересовало.

Семью Карла постигла та же страшная участь. Его родителей и пятерых детей выгнали из собственного дома в городе Омске. С маленькими детьми и тяжёлой поклажей должны они были добраться до деревни Смоляновка к сестре матери, у которой тоже было своих восемь детей, а муж находился в трудоармии. Почти восемьдесят километров пришлось преодолеть семье Карла в холодную осеннюю пору пешком. Через пару месяцев отца тоже забрали в трудоармию. Семье повезло – мать оставили детям, так как младшему Карлу не было двух лет. Первое время они жили у тётки, а летом с помощью односельчан построили землянку. Матери пришлось понять пятерых ребятишек, а отец так и пропал без вести.

С малолетства Карлу вместе с братом и сёстрами, приходилось работать. Он помогал матери пасти коров, поэтому приступал к учёбе в школе только поздней осенью, когда выпас коров заканчивался. Пропущенные занятия навёрстывал и учился успешно.

С семьёю классами образования Карл отправился служить в Армию. Отслужил три года и приехал в Магадан к дяде, чтобы работать и продолжить учёбу. В деревне такого шанса

не было, а Карл мечтал о высшем образовании. И он достиг своей цели. Работая на заводе кузнецом, экстерном окончил вечернюю среднюю школу и поступил в Дальневосточный университет на заочное отделение факультета журналистики. Вскоре ему удалось устроиться на работу в редакцию местной газеты, где он успешно совмещал работу журналиста и учёбу в университете. Жизнь была напряжённой, но очень интересной. Он объездил весь Крайний Север, добрался до Чукотки. Он познакомился с людьми разных профессий, брал у них интервью, писал статьи, публиковал рассказы и повести в журналах и сборниках. Своей любимой матери он посвятил повесть «Баллада о матери». Это произведение было опубликовано на немецком языке в газете «Дойче Лебен», которая в ту пору издавалась в Москве. По сценарию этой замечательной повести на сцене немецкого театра в казахском городе Темиртау был поставлен спектакль.

В 1995 году Карл с женой переехал жить в Германию. Здесь он продолжил заниматься литературным творчеством. Приобщил к этому интересному занятию и свою супругу. Вместе они выпустили несколько книг прозы на русском и немецком языках в издательствах Германии и Австрии.

Проживая в Германии, Карл понял, что по духу он русский человек. «В Германии я русский» – интервью с таким названием он дал в июле 2011 года Главному редактору литературного журнала «ПАРУС».

Приведу некоторые выдержки, раскрывающие личность

Карла:

– Когда я переехал в Германию, то ожидал нечто большее от встречи с Родиной моих предков, – заявил он и продолжил. – К сожалению, я не почувствовал никакого родства ни со страной, ни с её жителями, ни с её культурой. Но попытался стать её полноценным гражданином. Записывал и старался запомнить новые для меня слова, смотрел немецкие телевизионные передачи, тем более что на первых порах русского телевидения у нас не было.

– Чаще всего переключаемся на русские программы. Хотелось бы отметить, что и русское, и немецкое телевидение рассчитаны на зрителя с низкими запросами. Все эти многочисленные уродливо разыгранные шоу да сериалы, как на немецких, так и на российских телеканалах лишены всяческой культуры, до абсурда примитивны, я бы сказал, они унижают достоинство нормального человека. Зато мы с женой охотно смотрим документальные фильмы по немецким программам – они исполнены всегда на высоком техническом и познавательном уровне.

Философски ответил Карл на вопрос журналистки об отношении его к природе.

– Вы, наверное, прочитали мою шутовскую миниатюру «Не рубите сплеча»? При написании своей зарисовки я никакие натурфилософские представления не использовал. В этой маленькой вещице я имел в виду не только наш любимый цветок, а вообще всё живое (и прежде всего челове-

ка), которое в бедственном положении достойны тепла и заботы. Ведь зарисовка заканчивается словами: «всякому существу надо дать шанс начать всё сначала». Я не исключаю, что и растения, и животные чувствуют, как и вся окружающая нас Природа. Поэтические строки замечательного русского поэта Фёдора Тютчева созвучны моим взглядам:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

– Продолжаете ли Вы поддерживать связь с друзьями, оставшимися в России? – прозвучал очередной вопрос

– Безусловно. В России остались и некоторые наши родственники, и друзья, и всё то, что называется Родиной. Не проходит и дня, чтобы мы с женой не вспоминали о ней. В Германии проживает моя многочисленная родня: дочь, внук, сёстры, племянники, с полсотни двоюродных братьев и сестёр, а всего, наверное, не меньше пары сотен родственников. Кроме того, в разных концах Германии проживают мои односельчане – наши деревенские люди, из той самой сибирской деревни, в которой я вырос. И с каждым из них у нас очень близкие отношения. Иные из них мне даже ближе, чем некоторые дальние родственники, которых я до Германии и не знал. Тем не менее, Россия – наша вечная радость

и печаль.

– Смогли ли Вы найти свою «нишу» и друзей, переехав в Германию? Не жалеете ли о том, что покинули Россию? – спросила журналистка.

– Приехав в Германию, нам пришлось вживаться в новую среду, искать себе какое-то применение, не хотелось быть материально зависимым. Не желал я тогда свыкнуться с положением безработного. Не понимал я тогда, что в возрасте 56-ти лет проявить себя в чужой стране в какой-либо сфере почти невозможно. В пенсионном возрасте, без собственных средств и связей, увы, ты и здесь не востребован. Карабкались мы с женой, как могли, и, в общем-то, сумели обустроиться. Но душа была не на месте. Жизнь наша в Германии идёт иным чередом, чем в России. Нас, российских немцев, здесь очень хорошо приняли. Грех было бы жаловаться. Мы обеспечены всем необходимым для нормальной жизни. Всё вроде бы хорошо. И всё же... и всё же. Постоянно тянет на родимую сторонushку. Не хочется громких слов. Но, мне кажется, всякий нормальный человек, проживший до зрелого возраста на своей Родине, никогда не сможет спокойно жить, и уж тем более – быть счастливым на чужбине.

– Ваши внуки полнокровно принадлежат к немецкой культуре? – прозвучал очередной вопрос.

– Надеюсь. Старшее поколение и прибывшие с ними

взрослые дети, конечно же, не станут «настоящими» немцами. Как бы мы ни освоили местный язык, традиции и обычаи, всё равно мы каким-то неуловимым образом выделяемся среди коренных немцев. Даже по лицам мы безошибочно узнаём друг друга прежде, чем заговорим. Другие мы, и всё тут!

В Германии наши немцы работают в основном на самых тяжелых, непрестижных участках. Да и в России немцы в большинстве своём – в силу недостаточной грамотности – жили в деревнях и добывали свой хлеб нелёгким крестьянским трудом. Но здесь они твёрдо знают, что их дети и внуки будут полноценными гражданами Германии и найдут своё счастье. Молодые могут бесплатно получить на свой вкус высшее образование, чего нынче нет в России. У моего внука, как и в целом у его поколения в России нет будущего. Ни татаро-монгольское иго, ни крепостное право, ни советский тоталитарный режим не нанесли такого губительного ущерба российскому народу, как нынешняя «псевдодемократическая свобода».

– Вы перешагнули порог семидесятилетия. Открылись ли Вам какие-то важные истины и жизненные законы, которые хотелось бы донести до других людей? – в заключении спросила редакторша.

– Я не считаю, что достиг каких-то житейских или творческих вершин. Я слишком любил обыкновенную, незатейли-

вую жизнь, что не позволило мне всецело отдаваться творчеству. И, тем не менее, я рад, что не совсем впустую прожил свою жизнь, хотя далеко не всё в ней было гладко. Повторять её снова я бы не стал. Зигзагов было довольно много: порой напрасные, часто ошибочные, нередко болезненные. Менял взгляды, ошибался, путался, метался. Но всё-таки, думаю, что нашёл ту единственную тропинку, по которой могу со спокойной душой, когда настанет срок, перейти в иной мир. Это мое самое главное, но и самое ценное достижение. Всё остальное преходяще. Истину, которую я всю жизнь искал и, наконец, нашёл, по наследству не передашь. Каждый должен сам до неё дойти. Суть её проста. Всевышний даровал нам жизнь, разум, свободу выбора не для того, чтобы бить поклоны в церкви, а чтобы мы жили светло и радостно. Добрые помыслы и добрые дела – вот что от нас требуется.

Не разумнее ли жить с чистой совестью и в согласии с Природой? Так не подавляйте в себе человека, а пользуйтесь этим великим даром – живите достойно, свободно и гордо, радуйтесь и летайте как птицы. Тогда истинный Бог и там примет нас, своих детей, как подобает.

16 марта 2017 года Карл написал рассказ «Конфиденциальный разговор» о своём скором уходе из этой жизни. Это литературное произведение оказалось провидческим.

Любовь Шифнер

Рассказы

Конфиденциальный разговор

– Вот ты где, голубок, спрятался. Сразу и не заметила тебя среди кустов-то... Сад у тебя, скажу тебе, прелестный уголок. Какой приятный запах! Сам вырастил? Знаю, знаю, сам. Всюду у тебя здесь осенний рай. И солнышко, хоть и октябрьское, а очень даже прилично греет. Вижу, постарался... Хорошо сидишь, голубок!

– Вы... вы... какой я Вам голубок? Откуда Вы взялись?! Ни звуком, ни шорохом, словно из-под земли вылупилась. Как Вы сюда попали, бабуля? Что это за необычный холод тянет от Вас?

– Разве это холод? Мил ты мой, скажу тебе по секрету, ты не знаешь, что такое холод. Вот узнаешь скоро. Только учти, разговор у нас строго конфиденциальный. Ах, только не пугайся! Какие вы все пугливые. Всего боитесь. А меня ты не признал, стало быть?

– Да я... вообще ничего не понимаю. Откуда ты взялась, бабка? Извини, что не церемонюсь с тобой.

– Да, да. Зачем со мной церемониться? Всё равно дело конченное.

– Какое дело? О чём ты?

– Всё о том же. Знаешь, небось, да сам себе не веришь.

– Постой, постой. Да ты, никак... Боже мой! Как же я сразу не догадался? Ну, правильно – корявая, чёрная старуха... А где твоя знаменитая коса за спиной? Прячешь, что ли?

– Рассмешил бабку. Ох, рассмешил! Понапридумали всякое. Однако, узнал меня, голубок. Значит, дело пойдёт – договоримся. По рукам, значит.

– О чём ты?

– Знаешь ведь. Знаешь.

– Боже мой! Неужели пора?

– Да, да. Уже пора. Ты как думал, вечно тут почивать в своём красивом саду? Ты и так у меня загулялся. Смотри-ка, все твои родные и близкие, друзья-товарищи давно уже там... вокруг горы бродят.

– Какой горы?

– Такой. На которую взобраться надо. Ума-то не хватает постепенно, вокруг, по извилистой тропочке. Нет, всё нороят быстрее да напрямую. А напрямую-то, голубок, ничего не делается.

– А что им там делать, на горе той?

– Для начала – испытание пройти, отчёт держать за всё содеянное тут. Только это строго между нами.

– Отчёт?

– А как ты думал? Жил, жил, наверняка пакостил, кувыр-кался с кем не надо – и на тебе белые скатерти ему подавай! Нет, голубок, за всё и про всё надо будет отчитаться.

– Зачем? Перед кем? Что там меня ждёт?

– Не знаю. Мне и не надо знать. А ты узнаешь. Как вы любите нынче выражаться, не беги впереди паровоза. Узнаешь. Всё будет ко времени.

– Боже мой, как не вовремя! Тут столько всего недоделано. Всё откладывал, откладывал, когда высвобожусь от вся-

кой суеты... и на тебе – явилась, не запылилась.

– Голубок ты мой, смешишь ты меня. Хочешь ещё раз прожить свой срок?

– А что, можно?

– Ты не ответил.

– Всё заново? Это я должен снова то же самое пройти? Нет, это не возможно...

– Да, да. Или так, или никак.

– А время-то нынче другое. Нету той проклятой войны и моего ужасного детства. И потом, почему я должен делать все те же ошибки, что ли? Господи, сколько я мотался, ошибался. Заново начинал и опять ошибался, бился, колотился, расшибался и поднимался... одна сплошная страшная суета! Разве это жизнь? Только и начал потихоньку успокаиваться, всё нужное достал, обустроил. Пожить бы ещё по-человечески. Как же быстро жизнь пролетела! Я её и не заметил, жизнь-то свою. Понимаешь ты меня?

– Ох, голубок! Понимаю. А что с того? Служба обязывает.

– Служба? Даёшь ты, бабка. Тебе служба, а мне? Для меня полный кирдык! И что будет с моим садом? Только настало время успокоиться и радоваться.

– Ну, ну, будет тебе горевать. Пожил ведь. Другой жизни здесь и нету. Может, там повеселей будет. Я тебе, голубок ты мой, и так уже много раз давала поблажки.

– Какие поблажки? Когда?

– Аль забыл? Вспомни-ка детство своё, когда вся твоя деревня почти каждый день хоронила детишек. Война, голод, болезни. Ты уж едва дышал, задыхался и просил свою мать, чтобы дала тебе умереть. Я-то уж наготове стояла. Но сжалась. А когда ты подростком тонул в озере, уже смирился с участью и прекратил сопротивляться. Не появишься случайно охотник, где бы ты был сегодня? Помнишь? Так опять же я пожалела тебя, несчастного. Или когда вы с сестрой берёзовые веники вязали для колхозных овец. Ты сорвался с самой макушки дерева. Сестра побежала в деревню за помощью, а ты не мог подняться – земля качалась под тобой. Могу тебе припомнить ещё один случай, когда ты поздно ночью возвращался домой. Уже, считай, был у своего дома, осталось только тёмную арку пройти, и тут-то тебя и окружила целая банда головорезов. Помнишь? Ты рванул обратно, а там тебя ждала ещё группа парней. Не миновать бы тебе

того света, да один из них не признал в тебе их обидчика, и тебя отпустили с Богом.

– Да, помню. И ты всё это видела? Удивительно! И что?

– Да то, что я, голубок, вовсе не зловредная, вовсе не алчная до вашей жизни, как вы все думаете. Особенно нелегко молодую-то жизнь забирать. Так что тебе достаточно было предупреждений, достаточно давали понять, что у тебя жизнь одна, но не вечная. И надо делать выводы...

– И что меня ждёт там? Ты можешь хотя бы намекнуть?

– Не могу. Всё у тебя будет, как положено.

– А как положено? Ведь ты знаешь.

– И ты узнаешь... Хорошо у тебя тут. Хорошо! Не унывай, голубок, ты всё же немало годочков здесь пожил. Так, значит, до скорой встречи!

– Постой! Ты куда исчезла? Испарилась, что ли? Словно и не было тебя.

Ветреная погода

Полина шла торопливо вдоль заснеженного берега моря и поминутно поглядывала на окна домиков. Она спешила к автобусной остановке, желая тайком уехать, чтобы никто не узнал и не пытался удержать её.

Шла-то она торопливо, но не получалось быстро. Идти по свежему снегу, да с тяжёлой сумкой было нелегко. К тому же чувствовала она себя прескверно. Порывистый ветер с моря так и норовил повернуть её обратно, обжигал лицо и руки. Один домик минует, а там, впереди, другой замаячит. Маленький северный посёлок – дальний рыбоприёмный пункт – из нескольких барачков и полутора десятков домиков растянулся по побережью, кажется, до бесконечности. Живут здесь в основном рыбаки и рыбачки – народ простой, работающий, не избалованный комфортом, но любящий во всём простор и свободу. И чтобы окна домов непременно смотрели на море.

Жила и Полина здесь целое лето. Радовалась тому, что прямо за окном дышало могучее море – то пугающе шумное, то затаённо-грустное, то ласковое, тихое, то озорное, но никогда не бесстрастно-равнодушное...

Полина уходит. Тайком. Прощаясь с другом-морем и поселком, домики которого уставились на неё во все глаза. Попробуй тут проскочить незаметно. В любую минуту могут

выскочить и по-свойски бесцеремонно спросить, куда это она направилась в такую рань да с такой огромной сумкой. И что она им скажет? Нет, надо спешить. Надо дотянуть хотя бы до автобусной остановки, а там, среди других, глядишь, в суете и не заметят её.

Полина собрала все силы и прибавила шагу. Но дышать становилось труднее. Не хватало воздуха, что-то жгло внутри, хотя было свежее утро и смешанные запахи морской волны и чистого молодого снега прямо-таки опьяняли.

Она оглянулась, нет ли кого поблизости, и остановилась у самой кромки берега, застывшего сверкающей снежной коркой. Синева моря завораживала, магически шептала, звала, затягивала в загадочную глубину. Полина повиновалась этому зову и решительно шагнула в леденящую воду. «Исчезнуть навсегда», – прошептала она и сделала ещё несколько шагов. Сумка сама сползла с плеча и мягко плюхнулась в воду. И тут она почувствовала в животе мощный толчок. Привычным осторожным движением приложила руки к животу и с нежностью нащупала то место, откуда доносился настойчивый стук, который радостно всколыхнул всё её существо, сладкой пронзающей болью отозвался где-то под сердцем. Полина, словно спросонья, пришла в себя, испугалась и, схватив сумку, резко отпрянула назад к берегу.

Полина решила передохнуть, отдышаться. Отдыхая, она смотрела на море, спорящее с ветром, сумрачное и скандальное. Не так давно оно было тихим и сияющим, особенно

на фоне осенних ярко-сиреневых сопок. Теперь, когда выпал снег и берег очертило звонким льдом, море посуровело, приняло угрожающий зелёновато-пепельный цвет.

Взгляд её устремился вдаль и застыл, словно объектив фотокамеры, сфокусировав тот небольшой квадратик моря, где едва заметно колыхалось рыболовецкое судёнышко. Ничего, кроме этого далекого кораблика, она теперь не видела. Погрузившись в себя, она вдруг вполне явственно услышала знакомую мелодию. Вначале Полина удивилась, подумала, что это поют-шумят где-то там далеко свинцовые волны. Или это кричат тоскливые в ветреную погоду чайки?

Радость – это море,

Море – это горе.

Шторм – когда беснуется вода-а-а-а...

Скоро шумный берег скроется из вида,

Скоро море будет бить в набат...

Девушка приехала сюда ранней весной, в холодный ветреный день. Но ни скверная погода, ни мрачный, безрадостный вид крохотного посёлка не напугали её. Полина знала, что поедет в глушь, когда ещё училась и жила в большом красивом городе в Приморье. Но вот когда оказалась здесь, на дальнем рыбоприёмном пункте Колымы, ей стало не по себе. Она даже оглянулась на автобус, который заходил сюда лишь два раза в неделю: не уехать ли с ним обратно и сказать директору рыбокомбината, что она пошутила, про-

сясь к черту на кулички, что она согласна работать на центральном рыбозаводе. Нет, теперь уже никаких шуток. Полина решительно направилась к самому длинному барaku – цеху рыбообработки.

– Каким ветром тебя занесло, дивчинушка? – встретила её приземистая, грудастая женщина, отстраняя Полину от прохода, словно пушинку.

– Я к вам по направлению, – как можно бодрее ответила Полина.

– Вон оно как, – пропела густым голосом грузная женщина и широко, по-свойски улыбнулась. – Да ты ещё совсем маленькая. Ну, ничего. Значит, ты и есть наш долгожданный мастер? Вот славно! Мария Дмитриевна! – позвала она. – Подите-ка сюда, гляньте, кто к нам пришел. А ты, доченька, садись, будь как дома. У нас люди все простые, свои. Ну, давай знакомиться: Анна Панкратовна, старший мастер цеха, – женщина протянула огромную, шершавую руку, пахнущую сельдью.

– Полина Александровна, – представилась приезжая.

– Поленька. Имя-то, какое красивое, редкое. Тебе сколько лет-то?

– Ох, стара я, Анна Панкратовна, – приободрилась Полина. – Третий десяток уже разменяла.

– Ха! Вот уморила! – весело рассмеялась Анна Панкратовна. – Двадцать лет – это же самый цвет. Мне два раза по двадцать и то в старухи не спешу. – Анне Панкратов-

не пришлась по душе девушка, и она поспешила помочь ей побороть смущение и неуверенность, которые угадывались даже в намеренно бодром голосе. – Ты, главное, не робей, не стесняйся. И нас, баб, не сторонись. Мы здесь бабы, как говорится, битые. Работаем по многу лет, друг друга знаем, уважаем. Огрубели, правда, без цивилизации, но ничего – жить можно.

Пришла на зов начальник цеха Мария Дмитриевна, женщина постройнее Анны Панкратовны, но тоже крепкой стати. Сбежались незвано и все работницы цеха – надо же взглянуть на нового мастера. И женщины откровенно, со знанием дела, рассматривали Полину, расспрашивая о «материковских» новостях, о приморской погоде, о личных делах, обо всём, что непременно хочется узнать от незнакомого человека. Женщины были все одна к одной – здоровые, шумные, значительно старше Полины.

– А ничего себе, наша конопатенькая тростиночка, – заключила одна из женщин, когда все отправились по рабочим местам.

– Вот видишь, какие они славные, – как бы подвела итог знакомству Анна Панкратовна. – Главное – дело своё хорошо знают. Я, к примеру, всё больше советуюсь с ними, чем команду – дружнее получается, веселей.

– Куда я попала, Анна Панкратовна?! – возбуждённо заметила Полина, простирая руки к небу.

– Это же львы!

– Да ты шутница! – радостно подхватила Анна Панкратовна. – Шутки мы любим. Будь всегда такой, Полюшка.

Так и началась у Полины новая жизнь. В тот же день после работы женщины из её цеха неожиданно-негаданно нагрянули к ней домой, в избу, которую освободила прежний мастер, и принялись за устройство быта. Решили, что надо всё побелить, покрасить полы и окна, прибить что-нибудь к стенке вместо ковра.

– Печку я тебе переделаю сегодня же, – объявила Анна Панкратовна. – Разве это печь? Мы тебе сделаем настоящую – русскую, да ещё с камином, чтоб всё по моде было. – И тут же стала прикидывать, с чего начать.

Полина только успевала удивляться, откуда всё берется у этих женщин и как у них ловко получается. Притащили известь, краски, каленых кирпичей. Что-то срывают, что-то прибавляют, двигают, шумят, смеются...

В два часа ночи в доме уже топилась переконструированная, пахнувшая сырой глиной печь. Справляли новоселье.

– Ты, Поленька, не грусти, – говорили ей, – у нас жизнь вполне интересная. Особенно летом, когда всё расцветет. Вот только привыкнуть тебе надо к женской компании. Мужики наши всё время в море или в тайге. Так что доля бабья здесь – одиночество. А будешь с коллективом – не пропадешь, не заскучаешь.

Полине понравились женщины. И вообще – новая жизнь её началась лучше, чем ожидала. А то, что здесь нет столо-

вой, клуба, библиотеки, нет кино и даже телевидения – это не страшно. Для начала у неё есть свои книги, музыка – братишка перед отъездом подарил проигрыватель. А там пришлют и новые книжки, записи. Главное – у неё интересная работа. Она, наконец-то, обрела свободу и самостоятельность. Да и о Крайнем Севере она давно мечтала. Сбылось и это.

Все дни с утра и до позднего вечера Полина пропадала в своём рыбном цехе, где женщины консервировали тихоокеанскую сельдь в разных соках – яблочном, томатном, винном. Здесь же, в кабинете начальника, все вместе обедали за длинным столом.

Только вечерами Полина сидела дома одна возле открытой печи, смотрела на красный огонь и потихоньку грустила. Тут же она, читала стихи своих любимых поэтов, которых она выбрала из домашней библиотеки тщательнейшим образом задолго до отъезда: томик Пушкина, Тютчева, Блока, Бунина, Есенина, Хикмета, Фёдорова, Рубцова. Пляшущий в печи огонь напомнил ей стихи Назыма Хикмета:

Если я гореть не буду,
Если ты гореть не будешь,
Если мы гореть не будем,
Кто тогда развеет мрак?

Здесь же, у открытой печи, Полина, положив на колени толстую общую тетрадь, вела свой «Северный дневник»,

из которого брала потом отдельные впечатления для содержательных писем родным и друзьям. Нередко она просто сидела и, греясь, любуясь живым огнём, который никогда не оставлял равнодушным, мечтала о самых несбыточных вещах. Однажды представляла себе, как она в тёплый день стоит у морского причала и встречает рыболовецкие траулеры с богатым уловом рыбы. Траулеры приходят и уходят, приходят и уходят. А она встречает и провожает. Каждый день к её причалу приходят корабли. Но вот она увидела вдали в синем море необычный корабль с красивым капитаном, всматривающимся в неё через длинную подзорную трубу. Это её капитан...

И вот Полина стояла на заснеженном берегу, держала руки на животе, вглядываясь в маячившее в мутном море убогое рыболовецкое суденышко, шептала:

– Мой капитан... Мой капитан, – повторила она и жестко, с болью провела ладонью по лицу, словно хотела содрать с него ненавистную маску и одновременно прикрыться от стыда и боли.

Ах, этот капитан! Сто лет пройдет, а не сможет она забыть его. Не спрятаться от его колдовского взгляда ни на земле, ни на дне морском. Хочется смотреть и смотреть в эти крупные, синие, как море, глаза – не оторваться б вовек. Полина смотрела в них безотрывно, словно барышня в волшебное зеркальце, в ожидании чуда.

И чудо это свершилось. Как обычно, после рабочей сме-

ны, Полина направилась домой по самому короткому пути – вдоль пустынной галечной набережной. Время было предвечернее, и огромное солнце нависло над морским горизонтом, окрасив всю округу золотистым цветом. Вырвавшись из душного рыбного цеха, Полина наслаждалась свежим морским воздухом, любовалась необычно ярким закатом, и усталость быстро покидала её. Она не спешила, эти пешие прогулки до посёлка ей нравились, хорошо настраивали на приятные мысли и воспоминания о родном доме.

Так было и в тот вечер, когда, казалось бы, на совершенно безлюдном побережье вдруг её окликнули. От неожиданности она резко остановилась и глянула снизу вверх: перед нею, словно с неба спустился, стоял он – капитан. Оторопевшая Полина откровенно рассматривала его, высокого, моложавого моряка в красивой капитанской форме. Симпатичный капитан восхищённо смотрел на неё и молча улыбался. Но, заметив растерянность девушки, поспешил поздороваться:

– Здравствуйте, Полина! Вы – наша новенькая. Не удивляйтесь – здесь такие новости быстро облетают. Вижу, Вы решили пешочком добираться до посёлка. Если не возражаете, я мог бы с удовольствием подвести Вас, – он указал рукой на стоявший у причала траулер. – Извините, что забыл представиться. Костя! Капитан рыболовецкого траулера. Мог бы Вас прокатить на этой посудине. – На его худощавом, обветренном лице появилась детская улыбка, и глаза его от этого стали еще голубее.

– Правда? Как здорово! Я согласна! – выпалила Полина, вне себя от восторга.

Судно медленно отчаливало от берега. Из радиорубки вылетала музыка, оглушавшая всю палубу и берег.

Эту песню Полина слышала впервые, и она ей очень понравилась. Было в ней что-то необычно волнующее, отчаянное, что полностью соответствовало окружающей обстановке, настроению девушки.

– Нравится? – спросил капитан.

– Очень!

Полина стояла рядом с ним в капитанской рубке, смотрела на удалявшийся берег и напряженно слушала:

«Вся земля как будто на ладони.

Все слова весомее втройне...»

– Где вы откопали такую чудесную песенку? – спросила Полина у сияющего капитана. – Она такая... ну, такая, будто прямо из души идет. Даже не так. Будто кто-то смотрит на нас и тут же, экспромтом, поёт о том, что происходит именно сейчас.

– Да-да. Я тоже это заметил, – подхватил капитан. – Это удивительная песня... Хотите подержать штурвал?

– А можно? – Полина подошла к нему вплотную. Ей очень хотелось заглянуть ему в глаза ещё раз, как при знакомстве на берегу, но не решилась.

А капитан решился. Он посмотрел, словно весь в неё про-

ник. Боже, в этом взгляде Полина прочла столько необычного: и грусть, и страсть, и крик души – все это просилось наружу из его сияющих глаз..

Наконец, Полина, держа руки на штурвале, глянула в ответ, и лёгкая, безумная душа её с такой силой потянулась к нему, что она, ничего не сознавая, страстно прошептала:

– Мой капитан...

– Полина! – он коснулся кончиками пальцев её пушистых русых волос.

– Мой капитан! – и порывистым движением головы задела щекой его горячие, жёсткие губы.

В рубке стало тихо, прохладно. Было слышно, как с шумом и плеском бились за бортом морские волны.

«Радость – это море. Море – это горе,

Шторм – когда беснуется вода-а-а-а...»

Потом Полина все вечера сидела дома возле горячей печи, которую топила не для тепла, а для души. Свет не включала – так казалось романтичней. И ждала, ждала.

Однажды она увидела, а может, просто показалось, как кто-то прошмыгнул мимо её окна. Полина прильнула к стеклу, встав коленями на подоконник, из темной комнаты стала всматриваться в ещё большую темноту ночи, но так ничего и не заметила.

Полина захандрила. Всю ночь не спала. На работу пришла с опухшим лицом.

– Что-то ты мне сегодня не нравишься, – заметила Анна Панкратовна. – Захворала?

– Нет, – едва пискнула Полина.

– Болит что-нибудь?

– Нет, – еще раз пискнула, словно заблудившийся в лопухах цыплёнок.

– Господи, да что с тобой? – всполошилась Анна Панкратовна и внимательно глянула Полине в глаза. – Да ты, никак, влюбилась? – осенило бывалую женщину. – Ой, смотри, девочка. Любовь – это же огонь: чем ярче горит, тем сильнее ослепляет.

– Нет! – с испугом выпалила Полина, отстраняясь от неё.

«Пусть ослепляет, – подумала Полина. – Пусть. Только бы не мучиться и не ждать напрасно».

Прошла уже целая вечность, а капитана всё нет и нет. Может, уже забыл её? Может, для него всё это ничего и не значит? Собственно, особенного-то ничего и не произошло, если не считать, то прикосновение щекой к его губам. Такое бывает, наверное, и просто случайно. Но взгляд его? Он говорил больше всяких слов.

И все-таки она дождалась его. Он пришёл холодной, ветреной ночью, когда Полина, уже спала. Она вдруг услышала, вернее, почувствовала кого-то рядом. Она открыла глаза – и увидела его возле кровати: исхудалый, растрепанный, тихий и ласковый.

– Мой капитан! – Полина обвила его шею своими длинны-

ми, теплыми руками. – Мой капитан, – шептала она, страстно целуя его.

– Не сон ли это, Полюшка?

– Костя, давай включим свет, мне так хочется посмотреть на тебя.

– Не надо, Поля! – поспешно возразил он и наглухо затянул шторы на окне.

И в голосе его, и в движении руки со шторой было что-то непререкаемое, приказное, и в то же время будто бы что-то боязливое.

– Мой капитан боится быть замеченным? Ты стыдишься меня?

– Поленька, дорогая, о чем ты? Я схожу с ума без тебя. Но... я не смею быть здесь. Не смею, понимаешь?

– Почему?

– Поля, я не смею... Ты разве не знаешь? – лепетал он.

– Я и не хочу знать! – решительно заявила она. – Ты – мой! Ты мой капитан! Слышишь?

– Слышу, Поленька...

Ворочались, трещали, гудели в печи сосновые чурочки, нарубленные сильной Анной Панкратовной. Ветер свистел за окнами, хлопал старыми ставнями. Огонь из открытой печи освещал их возбуждённые лица.

Утром, когда Полина проснулась, капитана уже не было. И она поняла, что снова впереди долгое ожидание.

Каждый день Полина выходила на берег и всматривалась

в синюю даль моря. По вечерам расставляла на столе все принесенные капитаном «морские игрушки»: белоснежные кораллы, раковинки, сухие черепахи панцири, затвердевшие серые крабы, цветные камушки. Она смотрела на них, любовалась ими, разговаривала с ними. И каких только приключений не видела при этом! С помощью её незаурядного воображения отважный капитан совершал опаснейшие путешествия, какие даже не снились хитроумному Одиссею. И каждый раз её капитан выходил победителем и, в конце концов, возвращался к ней – в её тихий домик.

Эти ее мечты и постоянные ожидания делали её какой-то заторможенной, задумчивой, рассеянной даже днём, на работе, среди людей. И к ней невольно стали присматриваться. Женщины быстро поняли, что происходят с их мастером. При её появлении в цехе всякие разговоры прекращались, обрывались, чуть ли не на полуслове. Но стоило ей выйти, как до неё долетали обрывки фраз:

– Молодая, однако, хваткая. Вмиг уцепилась.

– В кого?

– Кабы знать.

– Нынешние молодые не чета нам, отсталым. Любого мужика к рукам приберут. Не станут ждать, пока их удостоят вниманием.

– Эмансипация.

– Что, что?

– Ну, значит, когда баба, став свободной, берёт на себя

роль мужика: штаны напялит на себя, сигаретки покуривает, до чужих мужиков хватка, первая объясняется им.

– Понятно.

Полина все ждала своего капитана. И дождалась. Он пришёл, как всегда, ночью. Так же тихо и неожиданно.

– Мой капитан! Мой милый! Костя, я, наверно, умру без тебя. Скучал ли, милый?

– Очень! Только и думаю о тебе.

– Ой, Костя! Теперь я тебя никуда не отпущу... Костенька, я не отдам тебя никому. Мой капитан!

– Твой... твой, – неуверенно поддержал он. – Но, Поленька, наша любовь должна быть тайной. Для всех без исключения! Если нарушится наша тайна – конец нашему счастью.

– Только не это! Пусть будет тайной, если ты так хочешь. Я так счастлива! Ты мой вечный странник, мой загадочный рыцарь.

И опять ожидания.

Полина умела ждать. С чувством, с терпением, с наслаждением. И всё тайно. Глупенькая Полинка! Разве можно сделать тайну из любви? Слишком это заметное событие в жизни девушки, полюбившей впервые, чтобы умудриться скрыть его. Тем более не скрыть тайну, которая сама уже просится наружу. А от женщин, этих всезнающих и всевидящих, подавно такое не спрячешь. Вот только одно им не ясно, одна загадка тревожит всех: «От кого носишь? Холостые-то здесь не водятся. Замужних обираешь? Побойся бо-

га».

Тайна её стала очевидной, но не до конца разгаданной. Полина крепилась и самоотверженно ждала своего капитана.

А капитан запропастился, словно в воду канул.

...Рыболовецкий траулер был ещё далеко, а люди уже высыпали из цеха, из домиков и побежали к берегу – к причалу. Впереди всех неслись женщины из цеха рыбообработки. Как забавно, как неуклюже, но как трогательно бежали эти полные, немолодые женщины.

На берегу, над толпой бежавших людей кружили, взвивали взволнованные чайки, они ликовали не меньше, чем целовавшиеся после долгой разлуки люди.

Несколько запоздало, понеслась к причалу и Полина. Каким-то особым чутьём она вдруг почувствовала что-то недоброе. Скорее всего, она поняла, что ко всей этой огромной радости людей, целующихся при всех, она со своей тайной любовью не причастна. Но в то же время она-то вся здесь, всей душой, каждой своей частицей хочет влиться в эту общую радость. Она была уверена, что сейчас увидит его, своего капитана, и тогда уж она не почувствует этого общего отчуждения, тогда и на неё посмотрят и вместе с нею порадуются. Пусть уж теперь узнают все, кого она любит. Когда он здесь, рядом с ней, ей нечего скрывать.

Но вот увидела его и заледенела, глазам своим не веря: её капитана уже обнимали, целовали. Девчушка лет двенадцати прыгнула ему на руки, обвила его шею и повисла, громко

смеясь и ликуя, а рядом стояла Анна Панкратовна и нежно поглаживала капитана по плечу.

– Нет! – вскрикнула Полина и, зажмурившись, убежала прочь, оставшись незамеченной.

...Ночью поднялся сильный ветер. Он тянул с моря и пронизывал до костей.

...Впервые Полина не растапливала печь. В домике её было темно, пусто, холодно. Полину сильно знобило. Не раздеваясь, прямо в одежде забралась в постель и всё куталась, куталась, но никак не могла согреться под двумя тёплыми одеялами.

Больше Полина не ждала своего капитана. Впервые она почувствовала себя по-настоящему одинокой.

Тайна её, которая всё больше и больше давила под самым сердцем, так и осталась нераскрытой.

Однажды она встретила Костю у причала. Но он мигом отвернулся и быстро ушёл восвояси. Потом как-то ещё раз случайно столкнулась с ним, но вновь её капитан ловко увернулся от встречи.

Теперь она знала, что здесь она никому не нужна. Совершенно никому. На работе её вежливо терпели. Если и говорили с нею, то лишь из необходимости, по долгу службы, глядя куда-то мимо неё. Нет, к ней не приставали с расспросами, её не осуждали. Просто для рыбачек она перестала существовать. Каждая из них невольно думала: «Вдруг от моего мужика отяжелела?»

Так дни тянулись тоскливой чередой. Один безнадёжный день сменялся другим, ещё более безнадёжным, и ничего утешительного они уже не сулили.

И вот это последнее утро. После очередной бессонной ночи Полина встала пораньше, уложила наспех свою огромную сумку и поспешила отсюда навсегда, вместе со своей тайной.

Ночные разговоры

Эта Ольга. Вечно что-нибудь придумает. Никак её не поймёшь. В последнее время заладила звонить мне по ночам. Кто бы стал звонить в три часа ночи? Просто так, чтобы сообщить, что ей, видите ли, скучно. И какое она имеет на это право? Не может ведь она считать, что совместная работа в одном отделе, хорошие взаимоотношения дают право на всё, что угодно?

Обо всём этом я думаю, пока встаю с постели и иду к телефону. Он прямо надрывается. Ладно бы по делу, а то по пустякам – это уже бесит.

– Слушаю.

– И знаешь, кого?

– Знаю.

– Ты поразительно угадываешь звонки. Как это тебе удаётся?

– Сам не знаю, – иду на смягчение.

– Ты у всех угадываешь?

– Нет, только твои звонки. Они такие же упорные, как ты.

– Просто я очень эмоциональная натура, а ты этого не ценишь.

– Учту.

– Чем ты там занимаешься, совсем пропащий? Может, завтра в кафе смотаемся? Так хочется посидеть на людях.

– Не могу. Режим.

– Понятно, – снисходительно вздохнула Ольга на том конце провода. – А я, между прочим, жажду чего-нибудь более существенного, чем сон по режиму.

Ничего не понимаю. Почему она решила, что именно меня надо (или можно?) приглашать в кафе? Она, наверное, видит во мне совершенного недотёпу, которого надо, как котенка, тыкать носом в молоко? Зачем я ей нужен в кафе? Это всё равно, что пойти на танцы с бабушкой. Меня, эта ресторанная суета всегда раздражает, поэтому я там совершенно неприспособленный. Да и кто я ей? Не жених ведь, а товарищ по службе. Ну, в лучшем случае коллега, хороший знакомый, единомышленник по проблемам, над которыми вместе работаем. Но не фраер же, протирающий штаны по кабакам? Позвонила бы другому – тому же неугомонному Вадиму, или мечтательному Потапову – их только кликни! А разницы никакой – все из нашего отдела. Так нет же. Чуть что – сразу меня. Где-то что-то прибить, приспособить, принести, достать – непременно я. Теперь, оказывается, и в кафе должен я. Нет, видно, я тут сам где-то дал маху. Не сумел себя поставить – вот и расхлебываю.

Началось это после вечера, когда мы справляли новоселье нашей сотрудницы. Тогда-то и пошло. Нормальные деловые отношения как-то изменились. То ли мы, попав в домашнюю обстановку, по-иному увидели друг друга, то ли ещё что, но Ольга стала вести себя слишком по-свойски. Весе-

ло, вообще-то, было. Я на удивление всем стал отплясывать какие-то немыслимые «и-ха-ха». Ольге это страшно понравилось, она засмеялась, по-детски звонко, и составила мне компанию в танце.

– Вынесу-ка и я свой гибкий стан на середину поля. – И такой ритм задала, что все залюбовались ею. И правда, красивой стала она, эта подвижная кубышка.

А потом, когда все разошлись по домам, где-то в третьем часу ночи затарахтел мой телефон.

– Ну, что тебе?

– Ничего... Я плачу...

– Отчего?

– Слушаю «Лунную сонату» Бетховена и... плачу... поговорить захотелось... ты дошёл нормально?

– М-да... А люди сейчас, между прочим, спят. Кстати, и я уже вполне нормально спал...

– У кого на душе спокойно, тот и спит... Ты знаешь, я тут какую-то мысль собрала, в рифму. Быть может, это стихи?

Она читала мне свои стихи. Я их не запомнил. Мысль в них была очень четкая – ярко выраженный крик истосковавшейся женщины. Я слушал её голос, певучий, приятный, и представил себе её круглое личико с румяными щёчками. Она у нас в отделе самая жизнерадостная. И вдруг такая мрачная философия.

– Вообще-то, мысль проскальзывает, – сказал я. – А всё остальное ржавая бурда, – добавил я без всякой интонации,

словно речь шла о гвоздях или соломе. – Тебе что, себя жалко стало?

– Нет-нет! Просто грусть на меня нашла... грусть, понимаешь?

– Это Бетховен. Это он всё натворил.

– Прямо с ума схожу. Как я ничтожна! Как я груба и ничтожна. Прямо... ну, прямо я не знаю... Скажи мне что-нибудь ещё. Скажи. Ты всегда хорошо действуешь на меня. Ну, поворчи хотя бы.

– Хитрая какая.

– Ну, почему?

– Видишь ли, народная мудрость гласит: «Кто говорит – тот сеет, кто слушает – тот, собирает»...

– И ты, конечно, решил собирать. А когда же сеять?

– Да, ты права: я слишком мало сею. Всё куда-то спешу, тороплюсь, всё думаю: вот закончу это и тогда начну что-нибудь большое, настоящее...

– Прости, я не в этом смысле. Я машинально так сказала. Хотя, в общем-то, мы оба троглодиты: собираем мы всю жизнь, с жадностью единоличника, а сеем слишком скупно, мелко. Особенно я, прямо со стыда сгореть можно...

– Успокойся, старуха – рыжая толстуха. Тебе грех жаловаться – ты на пороге большого открытия.

– Дура я рыжая, пухлая, ненормальная. Ночью затеяла с тобой болтовню, и о чём? – всё о той же работе! А ведь я хотела о другом. Я вдруг вообразила, что тебе будет инте-

ресно, в такой вот час, когда все на свете спят, послушать Бетховена.

– Дитя мое! Существующее и воображаемое одинаково реальны. Это сказал Фихте. Я с ним полностью согласен, поэтому включай свою шарманку. Только после «Лунной сонаты» чтоб и звука твоего не слышал.

Я слушал сонату Бетховена и думал об Ольге. Я знал её беззаботной, живущей легко. Даже ходила она какой-то попрыгивающей походкой. В уличной толпе она вполне могла сойти за десятиклассницу, хотя ей уже за тридцать. Глядя на неё со стороны, не подумаешь, что она занимается серьёзными социологическими исследованиями, да к тому же в этом деле весьма преуспевает. Я всегда немного завидую ей в том, как быстро она умеет знакомиться с людьми, нащупывать настроение собеседника – в нашей работе это клад. И друзей у неё немало хороших. И вот, оказывается, развесёлый человек загрустил. Плачет, видите ли, над чем... Да, если музыка выжимает слёзы,

то это не только чудесная музыка, но и чудесные слёзы...
Ольга. Смотрите-ка...

И вот опять звонок. В кафе захотелось. И опять я должен за всех отдуваться, нашла козла отпущения... Однако что-то она совсем примолкла.

– Говори, Ольга. Я слушаю.

– Хочешь, нарисую тебе маленькую картинку из жизни?

– Валяй.

– Он и Она приходят в уютное кафе. Садятся за столик, что стоит у окна, подальше от гремящего оркестра. Окно тёмное, за ним – цветные огоньки. Можно смотреть на эти огоньки, друг на друга и болтать всякую приятную чепуху.

– Вижу, как наяву.

– Сидят, значит, друг против друга. Она: неброска, но довольно мила. Он: грубоват и явно невоспитан. Это видно по внешности, в каждом его жесте, в каждом слове. Если смотреть со стороны, то сразу заметишь, что он ее не устраивает. С какой-то ревнивой, больной завистью кидает Она то и дело взгляды на ребят за соседним столиком. Там сидят очень симпатичные, весёлые, наверное, интересные мальчишки. С ними щебечут милые девчонки. Они напропалую о чём-то болтают и весело хохочут. У них там так хорошо. А Она должна сидеть здесь с Ним. Потому что Она очень любит кафе. А только он приглашает её в кафе. И она идёт с ним в кафе. С парнем, который её явно не устраивает. Она любит ходить в кафе, и Она пришла с ним в кафе. Потому что тот, что сидит за соседним столиком, или вон другой, или вон третий – они гораздо приятней Этого, с которым Она сидит, но никто из них и никто другой не приглашает её в кафе. Они приглашают других и при этом откровенно, мужественно улыбаются какой-нибудь другой лукавоглазой девчонке.

– Никто другой не приглашает ее в кафе, – продолжает свой рассказ Ольга. – А она любит ходить в кафе. Посидеть

за столиком. Пошебетать, ни о чём не думая, о всякой чепухе. Пить сухое вино. Улыбаться. Смотреть, как девчонки и парни танцуют. Самой танцевать, замирая в экстазе танца. Как она любит кафе! Потому и сидит с Ним за одним столиком, с парнем, который её приглашает, но явно не устраивает. Она сидит, вяло всунувшись в кресло, потягивая трубочкой сухое вино, не очень приятное, но с эффектной этикеткой. Она так хорошо хмелеет и втайне от Него посматривает на ребят за соседним столиком. Какие они милые, интересные. Ей становится грустно, тоскливо, жаль себя. Она так принялась жалеть себя, что Он заметил это и всколыхнулся: как смеет она куда-то смотреть?! И Она сразу же старательно, очень старательно смакует не очень приятное вино и моментально придумывает что-то смешное. И он успокаивается, верит, что ему просто показалось, будто Она куда-то смотрит. Он чинно подносит рюмку к влажным толстым губам, размеренно отпивает большой глоток коньяку. Он уважает только коньяк. Долго держит огненный напиток во рту, затем шумно глотает, глядя при этом на неё, как на существо, обязанное ему всем на свете, особенно тем, что сидит сейчас с ним в кафе и пьёт модерновое вино. Наконец, он смотрит на неё спокойно, снова тупо, как до того, пока не замечал Ее взглядов в сторону...

– Она очень любит кафе, – завершила Ольга свою картинку из жизни.

Эта Ольга. Она на пороге большого научного открытия.

Тема, над которой мы бьёмся не первый год, можно сказать, теперь в её руках. И такими делами заниматься... Но что, если она, Ольга, любит кафе? Очень любит кафе...

Я долго не могу прийти в себя. Я не замечаю даже, что давно уже плачет трубка. Наверное, Ольга не могла дожидаться от меня каких-то нужных слов и была вынуждена бросить трубку. Надо было, конечно, что-то сказать ей, этой всегда жизнерадостной, легкомысленной, поддающейся всяким земным соблазнам Ольге... Неужели она не стоит того, чтобы ходить в любимое кафе без парня, который явно её не устраивает?

Позвоню-ка и я ей разочек. В три часа ночи! Пусть-ка и на неё поворчат соседи.

– Слышь, Оля?

Молчание.

– Я тоже хочу в кафе... Я тоже люблю кафе!

Молчание. Не слышно даже дыхания в трубке.

До берега далеко

Уже часа четыре наша резиновая лодка трепыхающейся тенью мчитсЯ вниз по стремительному течению ледяной колымской реки Олы. А я всё ещё не могу успокоиться, вдоволь насмотреться на эту шумливую, янтарно всплескивающую воду, так празднично названивающую на всю округу в тысячи колокольцев. Этакий малиновый перезвон впере-мешку с лесным птичьим переливом. И близкие бурые, и далёкие сиреневые сопки, и слегка подернутые желтизной леса, и ярко белеющие вдали полосы речных протоков, словно вытекший из печи расплавленный металл, – всё это, кажется, тоже звенит, играет, шумит, устраивая праздник осенней природы.

– Ещё бы, хотел к такому привыкнуть за четыре часа. Я за все четыре года не привык... И не привыкну, наверное, никогда, – говорит Виктор, инспектор рыбоохраны, хозяин всей этой красоты, высокий, крепкого сложения молодой мужчина с пышной шевелюрой русых волос.

После моих долгих уговоров он всё же согласился взять меня с собой в очередной рейдовый осмотр своей природоохранной зоны. Все эти дни, которые я провёл с ним на Ольских водах, он не только опекал меня, кормил, поил и оберегал от возможных моих оплошностей. Он учил такому уму-разуму, без которого немислимо свободное пребывание на-

едине с суровой колымской тайгой...

– Ты можешь себе представить всё это без реки, то есть без воды? – спросил он.

– Наверное, всё померкло бы, – ответил я.

– Теперь уже не помню, кажется, Аксаков сказал, что всё хорошо в природе, но вода – красота всей природы. Аксаков всё-таки... Видал, что выделывают! Это же прямо как в сказке: лови руками... горбуша, – он наклонился над краем лодки, опустив руку в ледяную воду, норовя схватить всплескивающую крупную рыбу. – Ух, ты! Зазевался. Так и перевернуться можно.

Только что улыбавшееся, веснушчатое молодецкое лицо парня посерьезнело, а руки проворно заработали веслами, манипулируя то левой, то правой, то сразу обеими.

Вокруг нас всё кипело, мерцало, вспыхивало солнечными брызгами – играла, суматошилась, спеша на нерест, лососёвая дальневосточная рыба.

– Да, нынче этой рыбы много. А было время, когда горбуша шла сюда так же редко, как сейчас кета.

Договорить Виктору не пришлось: далеко впереди, где белая полоска реки уходит в темнеющие заросли леса, он что-то заметил и тут же приложил к глазам бинокль.

– Кажется, ничего страшного, но поспешить не помешает, – и он налёг на вёсла.

Теперь в лодке сидел со мной совсем не тот Виктор. Прежняя веселость сменилась суровостью, компанейская раско-

ванность – собранностью. И я сразу вспомнил, что мы ведь не на прогулке, не ради удовольствия сплавляемся по красивой реке, а несём дозорную службу по охране рыбных богатств.

– Попробуйте мне только сигануть, – грозно крикнул Виктор вслед заметавшимся у лесной опушки трем мушкетёрам-сорванцам в больших болотных сапогах.

Едва мы пристали к берегу, как Виктор выпрыгнул из лодки и, словно ураган, пустился за беглецами. Он мигом догнал ребят и велел им вернуться к опушке леса, где они побросали своё рыбацкое снаряжение. Перед нами стояли совершенно растерявшиеся подростки, по существу ещё дети, и огромный, весьма недовольный нашим появлением, рыжий пёс.

– Так, так, – многозначительно заговорил Виктор, вернее, теперь уже строгий инспектор рыбоохраны. – Убрать собаку!

Пёс, поняв приказ по интонации, тут же исчез, словно его ветром сдуло.

– Так, так. Значит, рыбки захотелось?

– Да не, мы же не стали бы ловить, – тонким голоском пропел один из мальчишек.

– А сеть для чего? Или это у вас такой накомарник?

Ребята хотели, было рассмеяться, но смекнули, что не время.

– Мы её нашли... здесь. И решили спрятать в лесу, чтоб браконьерам не досталась.

– Ах вы, стрелки такие! С какого хутора?

Тут уж ребята, почувствовав, что ли, затаённую весёлость инспектора, зашмурыгали носами, нерешительно заулыбались.

– Какой такой хутор? Мы из Гадли, – уточнил всё тот же подросток, самый рослый, видимо, их заводило.

– Далеко вас занесло, однако. Ну, так что, сами донесёте сеть или нам доверите!

– Вам-то, на лодке, легче.

– В общем, давайте познакомимся, а завтра прошу ко мне на сборы, – предложил Виктор. – Хотите записаться в наш оперативный отряд? Браконьеров ловить будем!

– Конечно, хотим! – хором выпалили ребята, обалдевшие от такого поворота.

– Вот и отлично. А курцы вы, между нами, мужчинами, неважнецкие: горящие бычки бросаете куда попало. Инспекторы у нас все больше некурящие – чутье лучше развивается, когда не куришь: за километр учуешь браконьеров. Сечёте ситуацию!

Признаться, меня эта встреча немного смутила. И когда мы поплыли дальше, я поделился с Виктором своими сомнениями.

– Разве это браконьеры? – усмехнулся он.

– Ты полагаешь, что они в самом деле нашли эту сеть?

– Я уверен, что их сеть, и мог бы это доказать. Но всё-таки сегодня они лишь условные нарушители, а завтра придут ловить настоящих браконьеров. Надеюсь, что придут. Им риск

нужен, а не рыба.

Чем теснее обступала нас вечерняя мгла, тем чаще и пристальней всматривался Виктор в её плотную глубину.

– Это разве браконьеры, – тихим голосом продолжил он прежнюю мысль. – Настоящие браконьеры – они жадные, как хищники. Они хитрые, осторожные. Прежде чем выйти «на дело», тончайшим образом изучат всю нашу систему обходов и облавы. Будто в нашей работе может быть система. Лучшая система – это появиться там, где тебя не ждут. Чтобы не было у браконьеров никакого «окна», приходится путать им карты до тех пор, пока они вообще не откажутся от своей грязной затеи. Опять же, браконьеры тоже разные. Жизнь нынче так закрутила людей в бедности и проблемах, что иному хоть сам помоги поймать пару рыбин. Но чаще всего встречаются такие, которые используют короткие дни путины для наживы. Такие страшнее зверя, могут тоннами выловить лососёвую рыбу, чтобы выпотрошить из неё икру, а тушки попросту оставить на берегу. Алчность у таких дельцов беспредельна, а в критический момент готовы на любое зверство.

Да, путать браконьерам карты Виктор умеет. Только это не всегда легко даётся. А иногда даже дорого стоит. Пока мы плыли без особых происшествий, он рассказал мне об одном недавнем случае.

В то утро Виктор дежурил на морском побережье. Туман был настолько плотным, что за десять шагов нельзя было от-

личить человека от ствола дерева. Зато была и тишина, которая для опытного следопыта компенсировала невидимость. Инспектор заглушил моторку, прислушался: на берегу копошились люди. Бесшумно подплыл он к берегу, где слабо вырисовывалась палатка. Стоило ему только выйти из лодки и приблизиться к привалу, как там, на берегу, взревел мотор «Вихрь», и тут же шум его стал быстро удаляться в море.

Виктор побежал обратно к своей лодке, но, услышав за собой шелест гальки, резко обернулся: на него летела с открытой пастью свирепая овчарка... Потеряв от удара равновесие, Виктор немного отшатнулся назад, но всё же успел отбросить от себя здорового пса.

– Фу! Нельзя! Нельзя! – твердо скомандовал он, поняв, что собака обученная.

Овчарка на мгновение замерла, поджав хвост, затем снова, уже с большей яростью кинулась на инспектора.

– Так, так, – заговорил Виктор, сжимая пораненную левую руку. – Предали тебя, значит, дружище. – Я тебя понимаю: расплачиваться за чужие грехи, когда тебя предали, дело несладкое, да уж, видать, судьба твоя такая...

Острая боль отдавалась в руке ниже локтя: приём броска с одновременным ударом ногой получился нечистым. Собака ведь не человек и ставит на кон сразу всю жизнь... А шум моторки беглецов всё удалялся, и тогда инспектор решился, и прежде чем озверевшая овчарка приготовилась к очередному прыжку, выстрелил из пистолета... и всё-таки в воздух.

– И зло брало, и жалко было такого красавца, – вспоминает Виктор.

– Ну, а те, что на моторке? Удрали?

– С ними было посложнее. Догнал я их, конечно. Поговорили малость в открытом море. Потом вернулись к их шалашу...

Это «малость поговорили» выглядело так:

– Будем возвращаться к берегу, – предлагает инспектор рыбоохраны.

– Нам там делать нечего, – отвечают четверо на другой лодке.

– Думаю, кое-что там у вас ещё осталось.

– Ну, зачем же так? Можно и разъехаться каждый по своей дорожке. Тем более, когда это в интересах обеих сторон, – пошли напрямую умудренные опытом браконьеры.

– Прошу к берегу, – решительно приказал инспектор.

– К берегу спешишь... Ох, не нравишься ты нам, парень.

– Не нравится дурным – для человека похвала.

– Философ, значит.

– Не я, Сенека пришёл к такому выводу.

– Смотри, парень, ты ещё молод, а до берега далеко.

– Ничего, он и для вас не ближе. А мы уж как-нибудь доберёмся. Поехали, а то собака нас заждалась, ей ведь надоест долго караулить...

– Как? Разве ты её не убил? Мы слышали выстрел, – опешили от неожиданности смельчаки. – Что ж, доберёмся, коль

так настаиваете, товарищ начальник.

– Когда им спуску не даёшь, они начинают думать головой, – подытожил Виктор.

– Неужели не страшно было? – спрашиваю его.

– Да как сказать? Может, не так страшно, как чертовски обидно. Я ведь знал, что имею дело с отъявленными людьми, которых давно выслеживал, но всякий раз не хватало улик. Я понимал также, что на этот раз, когда кругом ни души, мне так легко не отделаться. Но и отступать нельзя, улики были там, на берегу. В конце концов, как сказал железный Феликс, товарищ Держинский, жизнь длинна, а смерть коротка, так что нечего её бояться.

На берегу разговор пошёл по несколько иному руслу. Особенно после того, как инспектор выволок из тайника палатки свыше 200 огромных рыб и икру.

– Всё равно, кроме грамоты, не получишь ни шиша. Премию за нас не дадут. А мы – дадим.

– А мне и не надо премии.

– Чего ж тебе надо, молодой человек, если не секрет? Не ради потехи же так стараешься?

– Рыбу не трогайте, коль она не ваша. Варварством занимаетесь.

– А чья же она, твоя? Или тебе мало? На наш век, поди, на всех хватит.

– Не хватит. Вам дай волю, так весь белый свет превратите в пустыню.

– Ну, вот что. Сумма нашего улова получается, по вашим ценам, приличная, мы в этом разбираемся. Так вот. Бери деньги, и шабаш!

Потом стали обступать его со всех сторон... Четверо на одного, если не считать собаку, которая непрочь была свести старые счеты. Пришлось пустить в ход оружие. Потом был суд, и нарушители получили по заслугам.

А утром, в то самое утро, когда он вернулся домой, с виду спокойный, какой-то даже радостный, ласковый, его встретила заплаканная жена. Она ведь ничего ещё не знала, но почему-то смотрела на него с отчаянием пострадавшего человека.

– Скажи, это ты ночью стоял у окна? – спросила, уставившись на него в упор.

– Конечно, я. А кто же ещё? – не сразу ответил Виктор, машинально, по профессиональной привычке привязывая её вопрос к происшедшему. – Да, то я стоял у окна. Думал, не заметишь.

Но Ольга поняла, что у окна ночью стоял всё-таки не он. По глазам поняла.

Первое время, когда они только поженились, Ольга никак не могла привыкнуть к ожиданиям. Ночами не спала, считая каждую минуту, рисуя в воображении самые ужасные картины. Пробовала даже поставить вопрос ребром: или семья – или работа. Но тут же, встретив его ласковый и неумолимый взгляд, понимала – не надо об этом.

Нет, не смог бы Виктор расстаться с этой работой только лишь потому, что она такая хлопотная и опасная. С детства подружился он с природой, и с тех пор не расстается с ней. Для этого и учился он делу, которое главным образом приложимо к природе – лесу, тайге, воде, животному миру.

Мы плывём по шумной реке Оле. Позади беспокойная, бессонная ночь. Утро свежее, прохладное, но всё равно хочется спать.

– Слушай, давай поспим немного, а? – предложил я Виктору.

Ему-то спать не хочется, точнее – нельзя, но он с готовностью согласился:

– Давай поспим, – и первый повалился на дно лодки.

Но как только я упал и тут же провалился в долгожданный сон, он встал и пошёл осматривать берег.

На следующий день мы вышли в открытое море на мощной моторной лодке. Ясным, теплым утром, когда восходит солнце и золотистая галечная коса пахнет свежим прибоем и тонкими примесями ранней осени – в этот час море дышит вечным покоем. Берег – тонкая коса – уже не виден. Но за бортом нас всё равно видят: то тут, то там высываются из воды гладкоголовые нерпы. Подними руку – они тут же играючи нырнут в зеленую глубину, и... жди их с другой стороны.

Дребезжащими шлейфами проносятся над головой гуси. Сердцу настоящего охотника, не видевшего такого богат-

ства, стало бы плохо. А Виктор смотрит на мои удивлённые глаза и понимающе улыбается.

Гаги, бакланы, мартыны, топорки появляются всё чаще, и Виктор достаёт бинокль и всматривается в то место, где кружат птицы.

– Кит! – кричит он, приподнимаясь с сиденья. – А вон ещё... бери, смотри, – протягивает он мне бинокль.

Киты уходят вправо, пересекая наш путь, степенно, как ни в чём не бывало, пуская серебристые фонтаны. Теперь их видно уже простым глазом...

Кажется, и я уже начинаю привыкать к тому, что всё время на нас кто-то смотрит, и после трёхчасового плавания лишь бездвижно слежу за тем, что делается впереди. Да и к нам, наверное, тоже привыкают. Те, что за бортом. Вот одна нерпочка неуклюже выкарабкалась на небольшую льдину и растянулась на солнышке. Увидев нас, решила нырнуть в воду, но потом раздумала и с любопытством провожала нас взглядом.

Тюлени более солидные, степенные. Не мельтешат, а группами выбирают на льдины и, судача что-то по-своему, режут по-львиному. Рёв раздаётся со всех сторон. Мой рулевой слушает этот рёв спокойно, со сдержанностью бывалого шкипера, хотя душой он охотник. Его больше занимает то, как я реагирую на всё это.

Теперь, в открытом море, нас всюду сопровождают белые льды, как белые лебеди-великаны. И не только лебеди. Вот

на нас угрожающе ползёт зелёная гигантская черепаха, то и гляди – подомнёт под себя нашу лодку. А вот белая жирафа... ледяной верблюд... Невероятно, но мы видим белоснежный профиль прекрасной Нефертити!

...Когда солнце опустилось над морским горизонтом, так что багряным чудом заалели бегущие на нас гребни волн, я вдруг увидел, как медленно разводился мост на Неве. Это не льды, а какая-то живая фантазия. По такому случаю, коль славный город на Неве разводит мосты, я перестал бороться со сном и повалился на дно лодки. Тут же на мою спину навалилась огромная шуба из нежного меха молодого оленёнка. Изумительное тепло объяло меня и мигом унесло на всю ночь в безмятежное небытие.

Утром, едва забрезжил рассвет, Виктор разбудил меня:

– Вставай, будем чай пить, – объявил он, протягивая мне большую горячую кружку с крепким чаем.

Тишина. Где-то на дне лодки пытит на примусе чайник. Дома чай никогда не бывает таким вкусным. Какой чудодейственной силой разливается горячая влага по всему телу – бодрит, веселит, молодит! Какая благодать – пить чай вприкуску с запахом моря, да на заре восходящего солнца.

Встреча на лесной тропе

Дороги в соседнюю деревню в зимнюю пору по существу не было, её снова и снова заносило снегом, и пешему человеку приходилось заново прокладывать себе путь в белом пространстве.

Ориентируясь наугад, чтобы не заблудиться среди лесных сибирских просторов, низкорослая, измождённая молодая женщина с трудом переставляла ноги в глубоком снегу.

Четыре километра туда и почти столько же обратно бороздила она снежную целину, истратив, казалось, последние силы, уже не надеясь добраться до своей деревни – до дому, где ждут её голодные детишки. Собственный голод она не ощущала, хотя уже второй день ни крошки во рту не держала. И всё же теплилась у неё на душе несказанная радость от мысли о том, что ей повезло – удалось обменять пуховой платок на три килограмма пшеничной муки. Вот только плохо, что неожиданно закружила метель. Не сбиться бы с пути, замешкаешься – мигом закидает.

Чтобы сократить расстояние, женщина решила пойти напрямик лесом по хорошо знакомой ей тропе. И тут среди белого дня встретила лицом к лицу с волком. Решительно мотнув тяжёлым хвостом, зверь забежал немного вперёд и сел на её пути в ожидании. Огромный, уверенный в себе, бескомпромиссный.

Женщина остановилась, постояла немного, подумала: делать-то нечего, и выбора нет, свернёшь в сторону – набросится сзади. Он этого и ждёт.

– Не надейся, – едва слышно выдохнула она, подбадривая себя. – Некуда мне, родимый, отступить... Если у тебя нет сердца, то делай своё дело открыто – лицом к лицу. Но только знай, дома останутся мои детки сиротами. Отца и так уже война скосила, только я могу их спасти... У меня их пятеро... Пять душ погубишь!

И женщина, поправив на спине котомку с мукой, пошла навстречу зверю. Когда расстояние между ними сократилось до трёх шагов, волк привстал, потупил свой горящий взгляд, и уступил женщине дорогу.

Вернулась мать пятерых детишек домой, не жива, не мертва. Отдышалась, и поспешила испечь для голодной оравы лепёшек.

После двухдневного голода лепёшки эти были слаще всякого шоколада. Уж поверьте мне, как живому свидетелю.

Песня тайги

Гуля шла ночью по тайге, прислушиваясь к серебристо звенящему шуму ручейка, скрытого под опавшими листьями. И вот до неё донеслась песня – неторопливая, спокойная. Казалось, ветер подхватывал голос и бережно нёс Гуле живую мелодию.

И так светло стало на душе у девушки, что ей тоже захотелось петь. Радовало её, что она снова приехала на практику в свою любимую бригаду, что напарником сегодня оказался очень старательный и дружелюбный паренёк Коля, что олени сами скучились на ночь и ведут себя спокойно. Проказница Ласка всё время подкрадывалась к ней и хватала за сапог. Эта нехитрая собачья ласка тоже согревала.

Гуля представила себе, как в стойбище, у костра, пьют чай пастухи. Обильный пот струится по их обветренным лицам. А столетняя орочка поёт свою песню. Девушка не разбирает слов, но голос, мелодия говорят о счастье.

Как наяву видит Гуля старуху: сидит неподалёку от костра, скрестив сухие ноги, всматривается в полыхающую полоску заката. Лицо её как иссечённая трещинами древняя скала. Глаза глубоко запали. Много повидали эти глаза на своём веку. Красивой была когда-то эта женщина – не сравниться с нею ни одной её внучке и правнучке.

Но вот голос заглушили испуганный храп и топот ко-

пыт заметавшихся оленей. Животные мигом сбились в кучу и тут же рассыпались в разные стороны. Потом широким клином понеслись к подножию сопок, туда, где в большой долине белеет наледь. Задрожала земля. Гуле стало страшно.

– Коля! Где ты, Коля? – позвала она.

Разве увидишь его в темноте? Слышен лишь гортанный крик и резкий свист молодого пастуха. Ему удалось изменить направление несущегося клина. И Гуля уже подумала, что всё обойдётся. Но в это время к её ногам подкатилась Ласка. Почувствовав хозяйку, она тут же принялась лаять на большую корягу. Вдруг «коряга» ожила и оглушила всю округу ужасным рёвом. Девушка отпрянула в сторону и стала как вкопанная. А собака с отчаянным лаем пошла на ревущего медведя.

«Надо бежать в бригаду за помощью... Нет, надо предупредить Колю – он несётся сюда со стадом... Нет, надо отвести оленей!»

– Ласка, не отпускай его ни на шаг!

Гуля побежала навстречу оленям, которые мчались прямо на неё. Снесут, затопчут, как травинку. Но Гуля не остановилась. Схватив первую попавшуюся под руку палку, она, размахивая ею, с криком пошла на оленей. Ведущая часть стада свернула к распадку – там-то оленей и можно удержать! Но замыкающая часть – несколько сот животных – откололась и устремилась обратно, к большой долине, откуда вернуть их будет трудно.

Коля между тем успел дважды разрядить в воздух карабин. А когда слышались ещё и ответные выстрелы со стороны стойбища, медведь живо убрался восвояси.

– Ты оставайся здесь, а я пойду за отколом, – распорядилась Гуля.

– Ты что? Я пойду за отколом, – протестовал Коля.

– Коля, не спорь. Ты больше нужен здесь.

– Нет, девушке нельзя одной в тайгу.

– Можно, Коля. У меня вон, какой ножище, да и Ласка со мной. Пока до сопки дойду, совсем посветлеет, и можно будет искать по следам.

Обо всем этом я узнал потом, когда познакомился с Гулей. А пока мы сидим у костра и пьём горячий пахучий чай после утомительной дороги. Нас много: пастухи, трое ученых-биологов, дети и жены оленеводов. Бригадир Афанасий Андреевич рассказывает о работе, лестно отзывается о студентах-практикантах из Магаданского сельскохозяйственного техникума. Особенно часто упоминает имя Гули, которая вот уже вторые сутки в тайге.

– Хорошая девушка, – говорит, он. – Олешка заболела – чуть не плачет. Жалеет. В тайгу ходит оленей искать. Никого не боится. Смелая. Стадо пасёт. Не может без работы.

И тут сидящая рядом с бригадиром девушка не выдерживает. Кажется, она вот-вот заплачет. Это Лена, подруга и однокурсница Гули.

– Вернётся Гуля, – успокаивает ее бригадир. – Мы сейчас

ещё троих пошлём искать.

– Знаю, что вернётся, – по-детски шмыгает носом Лена. – Я просто сильно соскучилась по ней.

И обращается ко мне, ведь я один не знаю Гулю:

– Она у нас самая храбрая. Хотя если на неё посмотришь, так, обыкновенная девчонка. Но с ней не страшно. В тёмные ночи мы боимся выйти из палатки и всегда зовём с собой Гулю. Она как надёжная охрана.

– Да, этот человек не подведёт ни в работе, ни в дружбе, – замечает зоотехник Николай.

И хотя все почти уверены, что с Гулей ничего не случится, искать её отправились не трое, а пятеро. Присоединились двое ученых. А в стойбище наступила настороженная тишина, даже малыши не прыгали, как обычно, вокруг яранг, не играли в прятки с лохматыми щенками. Не видно было и женщин. Лишь столетняя старуха уселась у входа в ярангу и устремила свой немигающий взгляд в сторону большой ложбины.

Ночью не спалось. Не мог уснуть и зоотехник, который лежал рядом со мной. Он несколько раз выходил из палатки, прислушивался и тихо возвращался.

– Беспокоюсь я за неё все-таки, – признался Николай. – Целые сутки лил дождь, стало быть, оленей нельзя было остановить. Дождь кончился – теперь ей надо сутки, чтобы вернуть животных обратно. Так что к завтрашнему вечеру она должна быть здесь. С отбившимися оленями.

Зоотехник снова вышел из палатки. И снова молча вернулся.

– Расскажите еще что-нибудь о Гуле.

– Вот я и говорю, – отозвался он, – что чувство ответственности у неё сильно развито. Видно, с малых лет воспитано. До девяти лет Гуля жила в детском доме. Вспоминает с благодарностью: там было лучше, чем потом дома, где она не чувствовала ни ласки, ни настоящей заботы. Не повезло ей с родителями.

Знала Гуля, что есть у нее где-то родной отец, да гордость не позволила разыскивать его, коль сам ею не интересуется. И приучилась она держаться ближе к школьным товарищам, учителям, почувствовала себя нужной людям.

В техникуме привязалась Гуля к своей классной руководительнице Инне Георгиевне. Сумел опытный педагог поддержать девушку в трудную минуту, расположить к себе, укрепить добрые чувства. И одним хорошим человеком стало на свете больше.

Весь день и всю ночь преследовала Гуля отколовшихся от стада оленей. Теперь она уже знала, что их около четырёхсот, хотя не видела пока ни одного. Отбившееся стадо передвигалось быстро, хаотично. Олени неслись вперед, и уже не пугали их дождь и переполох, а увлекал вперед и вперед запах свежих масляток и сыроежек. Он опьянял их настолько, что они потеряли, как выразилась Гуля, самую элементарную совесть.

Идти у нее уже не было сил. Бесплезно было надеяться, что олени прилягут отдохнуть. Поэтому лучше последовать их примеру – подкрепиться дарами тайги.

Гуля подошла к опушке редкого низкорослого леса, и место показалось ей знакомым. Она поняла, что олени ведут её по большому кругу. Это немного успокаивало – значит, они придут сюда через несколько часов. Правда, Гуля еще не представляла, как отсюда выбраться, в какую сторону идти. Но всё же можно сделать привал, разжечь костёр. Собака побежала за хозяйкой, когда она пошла в лес за дровами.

Никогда не испытывала Гуля такого удовольствия от еды, как в этот раз – горячие, только что снятые с огня, грибы таяли во рту. Прекрасный десерт получился из спелой, мясистой брусники.

Таким образом, Гуля пообедала, подсушила одежду, и сон навалился сладчайшей истомой. Засыпая, она думала об одном: только бы вышли вечером звёзды. Только бы звёзды...

– Идет! Идет Гуля! – громко и радостно закричала женщина, всё утро маячившая на берегу речки. Она приложила ещё раз к глазам бинокль и снова заголосила: – Гуля идет!

Все высыпали из яранг и помчались вниз по речке к большой долине. Тут началось такое, что не берусь описывать. Люди смеялись, кричали, целовали Гулю.

И вот эта смелая и сильная девушка подходит к костру. Следом – олени.

– Гуля! Хорошая Гуля. Давай чаю налью, – предлагает

бригадир, не находя себе места от радости.

– Да я сама, – улыбается Гуля, садясь на бревно.

– Гуля, поешь мяса.

– Гуля, давай я сниму с тебя сапоги.

– Гуля, а мы уже плакали.

Оказывается, Гуля невысокого роста, просто, по-мальчишески одета, волосы подстрижены под горшок. Глянешь на неё – сразу прячет лицо, смущается. Вместо бойкости, что свойственно смелым людям, какая-то робость.

– Как же ты, бедная, выбралась сама? – спрашиваю у девушки.

– Очень просто. Просыпаюсь – над головой яркие звёзды.

Вот и вывели они меня к стойбищу.

– Откуда ты знаешь, как ориентироваться по звёздам? – удивляемся мы.

– С детства, – смеется Гуля. – Я же мечтала об астрономии. У меня и сейчас есть карта небесного свода, путеводители всякие, книги. И до сих пор волнуюсь, когда читаю что-нибудь или слышу о других планетах.

– А как быть с ветеринарией?

– Она на меня тоже не в обиде. Своего добилась: я люблю эту работу.

Мы идем вслед за стадом. Оленей много. Вышагивают гордо, с высоко поднятыми головами. Я спрашиваю у девушки:

– А почему тебя зовут Гуля? Ведь ты Галина Гущина.

– Меня так зовут с самого детства. Еще в детдоме ребята дали мне это имя. Мне оно нравится.

Впереди, на склоне сопки, сверкает под солнечными лучами наледь.

– Ведь правда, наледь похожа на большой белый корабль? – замечает Гуля.

– Правда, – говорю я.

Тишина. Такая тишина, что можно услышать таёжную песню.

– Гуля, ты что-нибудь слышишь?

– Слышу! – обрадовалась Гуля. – Музыка какая-то... Она напоминает мне тихую летнюю ночь.

Я сам был пастухом и знаю, какие удивительные песни поёт тайга. Только это было давно, в детстве, и в таких краях, где цветов чуть ли не больше, чем травы. И вот здесь, на Колыме, я снова музыку таёжную услышал. И этим я обязан Гуле.

Свидание с Гизелой (фЭнтези)

Так всегда. Когда мне очень плохо, когда муторно на душе, когда опостылел родной город, в последнее время такой захламлённый, неумытый, раздрызганный, я спешу выбраться из него подальше в горы – в моё тайное давнее убежище, где я могу в полном одиночестве, в природной тиши отдышаться, успокоиться, хорошенько, без суеты подумать о том, как жить, а точнее – выжить в наше дикое, смутное время. Как снова собрать все свои душевные силы и всё же дописать свою неоконченную повесть?

Вчера, когда я шёл на работу, мне неожиданно почудилась осень. Кругом машины, прохожие, сверкающий асфальт. Поблизости ни дерева, ни веточки, ни даже завалящего листочка. И вдруг почувствовал запах осени. Настолько явственно, что я остановился в приятном удивлении и стал искать вокруг себя каких-нибудь признаков осени. Но во дворе только июнь, и на Крайнем Севере в это время не может быть и речи об осени. Значит, мне просто показалось. Значит, это сигнал к тому, что мне пора взяться за перо...

Пора, пора. Коль уж и осень почудилась, то непременно пора. Сколько же прошло с тех пор, как ничего не пишу? Вечность. И ведь почти уже успокоился. Первое время что-то ныло внутри, просилось наружу, на волю. Героиня нача-

той повести преследовала меня везде и всюду, даже во сне. Она просила, умоляла, кричала, чтобы я выпустил её в люди. Потом... Потом, разочаровавшись во мне, постепенно отошла, исчезла, словно растаяла.

Я закурился в вечной житейской суете. Всё некогда, некогда писать. А сюжеты напирают. Если же появится свободный час или даже целый день – сам уже уваливаю, оттягиваю встречу с ней, с моей героиней, ищу себе неотложное занятие. Лишь бы была отговорка. Лишь бы найти себе оправдание перед внутренним судьёй. Оправдываюсь даже тогда, когда целыми сутками шатаюсь с ребятами на рыбалке. А мой судья мне говорит:

– Ты делаешь не то. Пусть кругом будет хоть потоп, а ты всё равно садись и пиши, если ты мечтаешь написать что-нибудь толковое.

– Ну, ты же видишь, что я хочу – мямлю я. – Но никак не могу вырваться в одиночество. Или занят делами, или мне просто не выйти из замкнутого круга друзей.

– Ну-ну, – с издевательской улыбкой заключает мой внутренний судья. – Оправдывайся, голубчик. Только это тебе не поможет – себе же вредишь. Впрочем, поступай, как знаешь. Гуляй, отдыхай, веселись... Посмотрим, чем это кончится».

И мне становится стыдно, страшно. Тут же намечаю день и даже час, когда запрусь в своей комнате, сяду за стол и начну писать.

– Ты мне, пожалуйста, напомни завтра. Хорошо?! – прошу я своего внутреннего судью.

– Завтра, завтра...

Сегодня суббота. Впереди целых два выходных! Почему бы не использовать их для творчества. Правильно я сделал, что отказался поехать с ребятами из моего отдела на рыбалку на какое-то глухое озеро. Оно, конечно, заманчиво, но надо же когда-то взяться за работу по-серьёзному. Хватило всё же сил отмахнуться от них. Нет, раз уж мне так хорошо, так необыкновенно почудилась осень, то я своего добьюсь...

И вот я спешу к своему тайному убежищу. Я бегу по своей излюбленной тропинке, петляющей в зарослях зелёного стланика. Эту тропинку, над которой угрожающе свисают серые скалы, я выискал сам, и никто о ней не знает. Она опасна, и ходить по ней жутковато. Много на ней сложных подъёмов и спусков, и кажется, что нависшие над головой скалы двигаются и только и ждут, чтобы обрушиться на тебя.

Но вот все подъемы позади, остался крутой спуск к морю. Не то море притягивает к себе, не то крутизна делает тебя невесомым, подбрасывает вверх. Так и порхаю над зеленью, лишь иногда для подстраховки хватаюсь за кусты стланика. Далеко внизу синее море. Оно бьётся истерично синими волнами о высокие обнажённые скалы, обдавая их серебристо-голубой пеной.

Наконец, я стою на своей скале и с поднятыми руками

приветствую море. Какая благодать! Стою на отвесной скале и смотрю вниз – там полыхает синева моря. Огромное, бесконечное море. Сколько в нём жизни! Когда внимательно прислушаешься к нему, кажется, что оно разговаривает, поёт, курлычет миллионными голосами. А чуть выше, над морем и сопками, белым отливом плавится солнечный день. То ли море заигрывает с солнцем, купаясь в его лучах, то ли солнце с морем, окунаясь своим ярким огнём в бездонную голубизну. Передать фантастичность игры солнца с морем просто невозможно. Смотришь – не заметишь. Вот что я люблю. Уединиться, забыться, очистить душу от всякой мирской суеты. А потом – размечтаться...

Густые тёмно-синие волны кувыркаются к подножию моей скалы, шумно разбиваются, выдыхая при этом прохладный ветерок с хрустальными брызгами. Брызги эти сияют, переливаются под ярким солнцем, поют тихим, звенящим хоромом. Да ведь всё кругом поёт: море, скалы, тайга, сопки. Особенно торжественно поют остроконечные зелёные лиственницы.

Я сижу в своём каменном кресле, природой сотворенном, смотрю с высокой скалы на шумные волны, тереблю губами сладковатую травинку и подбираю вслух какую-то необычную мелодию, которая звучит в такт монотонного пения моря. Внезапно чувствую чьё-то приближение. Я оборачиваюсь и от неожиданности замираю – по моей тропинке, к моей скале идёт женщина...

Идёт не спеша, валкой походкой. Но идёт уверенно и смотрит прямо на меня. Я уже слышу её напряжённое дыхание. На ней плотно натянутые белые джинсы, черная жакетка типа мужской приталенной сорочки. В руке у неё белая плетёная сумочка. Распушенные светлые волосы свисают ниже плеч. Я уже различаю её большущие глаза и ярко накрашенные губы. Приближается всё решительней и при этом загадочно улыбается.

Вдруг с её стороны подул порывистый ветер, будто норвегия сбросить меня с моей скалы. Мне стало не по себе. Вот она подошла к подножию моей скалы, приложила ладонь козырьком ко лбу и глянула на меня сощуренными глазами.

– Ну, что, страдалец одинокий, испугался? – в голосе её я почувствовал угрозу. – Не бойся, в морскую пучину не брошу. – Загорелое её лицо просияло злорадной улыбкой.

– А я и не боюсь, – предательски задрожал мой голос.

– Подайте даме руку, – она протянула свою крепкую руку.

– Пожалуйста! С удовольствием! – я помог ей взобраться на мою скалу и снова уселся в любимое каменное кресло.

– А ты не очень гостеприимный, – заметила она.

– Хотел бы я знать, с кем имею честь? – проворчал я, подавляя в себе волнение.

– О! Да у тебя здесь совсем не дурно. Прекрасный вид на море, – восхитилась она. На мой вопрос она так и не ответила.

Она долго стояла лицом к морю, любовалась видом и что-

то про себя бормотала. И в это мгновение прямо на глазах ясное небо стало мрачнеть, со всех сторон к нашей скале потянулись тёмные тучи, засобирался дождь. Она глубоко вздохнула, словно перед чем-то решительным, и повернулась ко мне:

– Неужели до сих пор так и не узнал?

– Извините, пока нет, – неуклюже выдохнул я, находясь в каком-то жутком трансе.

– Так. Значит, они меня не узнают, – взгляд её становился хищным. – Хорошие штучки. Стоило сменить наряд, некоторые манеры и родное дитя становится Идолищем поганым. Ну, хорошо. Посмотрим, что будет дальше.

– А Вы меня не пугайте, не из пугливых. Лучше скажите, что Вам от меня нужно? И вообще – как Вы сюда попали?

– Да уж видно, какой ты храбрый. Ну, хо-ро-шо. Надеюсь, ты уступишь мне сегодня своё кресло?

– Пожалуйста, садитесь на здоровье, – я поспешил встать.

– Да, ты и постоишь. Тебе сегодня положено стоять... Ну-с, так зачем ты сюда пожаловал? – она уселась в мое каменное кресло.

– Мне-то было зачем. А вот Вас, какая нелёгкая затащила сюда?

– Меня? – она призадумалась, потом усмехнулась. – Меня? М-да, однако, ты не приветлив. Пожалуй, даже жестоко с твоей стороны. – Она глотнула воздуху так, будто что-то застряло в горле. – Жестокий ты, – и глянула с обидой. Я-то

думала, ты ждешь меня, зовёшь к себе. – Она сникла, вся ушла в каменное кресло, свесив на колени голову. Золотые волосы рассыпались и прикрыли лицо, словно птичьим крылом. Мне показалось, что она плачет, и только тут меня осенило, и я узнал в ней что-то до боли знакомое.

– Гизела! – вырвался у меня радостный вопль. – Неужели это ты, Гизела? Дай посмотреть на тебя... Гизела! Да как же я, тупица, не узнал тебя? Но ты так изменилась. Зачем ты волосы покрасила? И кто тебя так вырядил?

– Я стала хуже, да? – жалобно прозвучал её голос.

– Нет, нет, что ты, – поспешил я успокоить её. – Ты стала лучше. Ты – прекрасна! Как я ждал тебя...

– Я тоже ждала. Думала, ты совсем забыл меня. Ты молодец, что пришёл сюда, к своему любимому месту. Ты ведь не забыл меня? – ласково, снисходительно глянула она.

– Как можно? – с огорчением возразил я. – Ты такая необыкновенная. Но сильно изменилась. Я и не подозревал, что ты такая отчаянная... Послушай, откуда тебе известно это место?

– Мне все о тебе известно, – решительно заявила она. – Ну, а теперь – к делу. Ты садись-ка в своё кресло. А я буду говорить.

– Да я постою. Сиди, пожалуйста, – поспешил я возразить.

– Я буду говорить стоя, – заметила она вдруг менторским тоном. – Я буду говорить стоя, и следить за морем. А ты будешь слушать меня сидя, – сурово распорядилась она и, по-

вернувшись к морю, на мгновение застыла.

Она долго смотрела в море и что-то шептала. Я услышал лишь обрывок фразы: „ Не волны бегут, а стадо каких-то таинственных животных»... Наконец, она резко обернулась и уставилась на меня в упор, сверля глазами, словно буравчиками. Лицо у неё было возбуждённое до густого румянца, глаза напряжённые. Глядя на неё, как загипнотизированный, я неожиданно пришёл к выводу, что она может сделать со мною всё, что ей угодно.

– Ты действительно рад, что я пришла? – широко улыбнулась Гизела, и зелёные глаза её засияли.

– Да я просто счастлив, – искренне подтвердил я. – Хотя, признаюсь, немало удивлен.

– Чем? – вскинула она свои брови-птицы.

– Да вот... всем. И твой приход, и твой наряд, и твои манеры, твои загадки. Вся ты вроде бы другая, не как моя героиня.

– Я стала хуже? Только честно, – не сводила с меня строгий взгляд Гизела.

– Что ты, Гизела? О такой героине я мечтать не смел. В тебя нельзя не влюбиться, чего я больше всего опасаясь, – признался я без малейшей лукавости.

– Почему? Почему ты не имеешь права влюбиться в свою героиню, коль она по твоей же воле выступает в самой положительной роли? Да ты обязан её любить, – заверила она убежденно.

– Если я сам влюблюсь в свою героиню, то я из ревности не подберу ей достойного человека, не позволю ей в кого-то влюбиться, – рассуждал я. – Даже из Олега, твоего жениха, я мигом сделаю, если не подонка, то размазню, чтобы ты его бросила.

– О, ты меня просто шокируешь своей дикой отсталостью! – закатила она свои огромные глаза. – Теперь я не удивляюсь, почему у тебя ничего не получается с образами – ты же самый невыносимый консерватор. Разве можно с такими отсталыми взглядами понимать людей, создавать художественные образы? Подумать только, в кого ты хотел меня превратить в своей повести. Во что ты меня одеваешь? О чем я должна у тебя говорить с друзьями? Каких увлечений ты только не подсовываешь мне? Это же кошмарно, если представить твоих героев, в том числе и меня, в реальной жизни. И то мне нельзя, и этого нельзя делать, и ошибаться я не имею права, и всё-то я у тебя знаю. Я у тебя не живая плоть, а бескровная схема, – все больше распалялась моя героиня. – Какому живому человеку нужна такая героиня? Чему я научу людей?

Гизела примолкла, чтобы передохнуть. Она слишком разволновалась. Это было видно по рукам, когда она поспешно извлекала из своей белой сумочки болгарские сигареты. Она несколько раз сильно, с вождением затянулась дымом, от которого исходил приятный запах мяты, получилось это у неё по-мужски эффектно и в то же время по-женски изящ-

но.

– Но такого я тебе никогда не позволял, – заметил я весьма робко.

– Ты мне много чего не позволял. Ведь там, в повести, в обществе твоего Олега и ему подобных, ты ни разу не нашёл для меня хотя бы лишней сигаретки, – досадовала она.

– Гизела, не будь такой... агрессивной. Тебе это не идёт, – с укором возразил я.

– Мне всё идёт! – уверенно отразила она моё предположаемое наступление. – Не забывай, что я – женщина! И напрасно ты оберегаешь меня, словно искусственное биологическое существо. Я живая, ты сам это утверждаешь. А раз так, то могу позволить себе всё, что человеку свойственно. Я удивляюсь, почему ты дал мне такое необычное, красивое имя, если я у тебя такая сухая... тошно-подобная? В повести я у тебя такая затасканная, такая штампованная героиня, которая всем давным-давно набила оскомину. Тысячи раз в более удачных произведениях меня уже представляли в таком виде. Уже надоели всем мои черты характера, поступки, жесты, манеры. Единственное, что ты добавил мне – это большие зелёные глаза. Они мне тоже нравятся, хотя и в этом я не новинка. А остальное – штамп. У тебя я должна повторять, уже в который раз, судьбу других героинь из других книг, только разве лишь выступаю под новым именем. Почему ты не доверишься мне? Почему ты лишаешь меня права выбора поступков, желаний? Подумай, в какое время мы

живём!

– Гизела! Да разве, – попытался я вставить словечко в свою защиту, но она жёстко сдвинула брови.

– Не перебивай! Подумай, в каком веке мы живём, в какой эпохе. Да если я захочу, ты сейчас будешь плакать от страха или смеяться глупым смехом безнадёжного дебила. Для этого мне достаточно сосредоточиться... ты можешь сейчас увидеть тучи над своей головой, проливной дождь, что угодно, хотя небо над нами, как видишь, чистое. Всё это я могу сделать. Не пройдёт и полвека, и все люди смогут не только внушать такие вещи, но и творить их на самом деле. Великое, всемогущее существо Человек, несмотря на свою моральную безнадёжность, сумеет, в конце концов, раскрыть свои невероятные способности, заложенные природой. И тогда мы узнаем чудеса природы, о которых сегодня лишь смутно догадываются. Всё это вовсе не в далеком будущем. Мы с тобой доживём до этих чудес. И тогда как нам с тобой будет стыдно, что не сумели предугадать в Человеке фантастические перемены в его духовном мире. Не сумели почувствовать...

– Остановись, Гизела! Прошу тебя, – взмолился я. – Пощади, я ведь ещё так неопытен.

– Да, ты неопытен, – согласилась она. – Верно. Зато у тебя всё ещё впереди. Вот почему, собственно, я и пришла. Чтобы вовремя предостеречь тебя от ошибок, которых почти никто не избежал. Тебя, пока не поздно, можно ещё предостеречь.

– Не надо, Гизела, – выставил я вперёд руки, как бы заслоняясь от её напора. – Хорошо тебе рассуждать, требовать... шедевра. Думаешь, это так просто? Да знаешь ли ты, что это мне стоит – талантливо писать? Порой заживо сжигаешь себя на костре, всё и вся приносишь в жертву ради одной удачной странички. Да если подсчитать, присмотреться ко мне, то я ведь и не живу вовсе как человек. Я подневольный. – При этом у Гизелы злорадно скривились губы. – Знаешь ли, – продолжал я, – что моя жена вправе выгнать меня из дома? Знаешь ли, что у меня порой не хватает времени пообщаться с моей родной престарелой матерью? Поиграть с дочуркой, которая сейчас так много и мило лопочет? Я не говорю о том, что давно уже не знаю досуга. Сегодня, кстати, я должен был поехать вместе со своими сослуживцами на уникальную рыбалку – на какое-то чудное озеро. Но, оказывается, всё это не для меня. Вот во что мне обходится писание повести о тебе, Гизела.

– А ты как думал? – бурно возмутилась моя героиня. – Ты как думал – шутя, левой ногой добиться всемирного успеха? Право же, от тебя я такого рассуждения не ожидала. В том-то и дело, что настоящее, талантливое может родиться лишь в тяжёлых муках, лишь в результате невероятных усилий и жертв. Если честно сказать, ты вообще раз и навсегда забудь о себе, то есть о каких-то личных земных благах. Ты должен весь, до последней клетки раствориться в... в людских и творческих страданиях. А самого тебя как бы и нет

на этом свете... Понял ли ты меня?

– Что же, я, по-твоему, уже и не человек, коль добровольно взвалил на себя эту ношу? – горячо запротестовал я. – Уже не имею теперь права на личную жизнь? Во имя чего?

– Имеешь, дорогой, – слегка смягчила она тон, и по лицу её промелькнула слабая тень едва заметной улыбки. – Имеешь. Но вижу, ты всё же не до конца понял меня, когда я сказала, что ты должен жить так, будто самого тебя как бы и не существует.

– Как это понимать? Как же я могу жить, не думая о самом себе? Кто же позаботится обо мне, если не я? – совсем отчаялся я.

– Какой же ты, в самом деле, глупыш, – тут её лицо на краткий миг осветилось очаровательной улыбкой. – Надо знать, что вся твоя жизнь, необычайно богатая, как ни у кого другого, насыщенная и полнокровная жизнь, заключена именно в твоём безудержном, горячо любимом и тобою же проклятом творчестве. Твоя жизнь, все твои радости и страдания должны быть в твоём творчестве. И не бойся, что упустишь что-то в личной жизни. Поверь мне, тебе уже не жить без творчества. Без него твоя жизнь действительно станет пустой суетой.

– Что же, ты обрекаешь меня на постоянное одиночество? Больше мне ничего не оставляешь? – обречённо сопротивляюсь я.

– А что тут плохого? – ничуть не разжалобилась она. –

Вспомни великолепного чародея Гете, куда большего затворника, чем мы с тобой.— Как он говорил... «Одиночество — мать совершенства, таланты образуются в покое...»

— Сколько прекрасных мгновений упущено, не пережито, не замечено из-за таких вот, как ты, требующих от всего отрешиться, — убито выдохнул я.

— Ты будешь жить полноценно в необыкновенной, яркой жизни твоих героев! — заговорщицки подмигнула она.

— Но сама по себе жизнь так прекрасна! — упрямо стоял я на своём. — И не лучше ли просто жить: работать для хлеба насущного, любить ближних, созерцать природу, слушать музыку, вдоволь есть, пить, спать, ловить каждый прекрасный миг. Словом, наслаждаться самой жизнью, а не корпеть в затхлой кабинетной тиши, создавая на бумаге жалкую копию живой жизни.

— Как же ты меня удивляешь, — лицо её снова сильно нахмурилось. — Жить, есть, спать, любоваться природой может и корова. А ты же Человек и, стало быть, должен постоянно совершенствоваться, то есть думать и творить. Если бы так рассуждали все разумные существа, то мы жили бы по-прежнему в каменном веке.

— Ты уверена, что человек — самое разумное земное существо? — слабо защищался я.

— А ты сомневаешься?

— Знаешь, когда вижу, что вытворяют на этой земле мои разумные собратья, то сомнения неизбежны.

– Напрасно, – озабоченно вздохнула Гизела. – Несмотря на все невообразимые ужасы и гадости, которые творят люди, всё-таки человек – самое разумное существо. Во всяком случае – на нашей планете. Потому что всегда, в любой человеческой среде всё же находятся отдельные люди, которые ведут нас... к свету. Помнишь, Аристотель писал, что человек тем и отличается от свиньи, что он иногда отрывается от поисков подножного корма и смотрит на звёзды. – Гизела глянула на меня с грустным сочувствием.

– Мне кажется, – все больше соглашался я с нею, – что наступило то время всеобщего хаоса и разгула человеческих страстей, когда люди как бы открыто, демонстрируют свои худшие качества. Меня это очень пугает, наталкивает на мысль о всеобщей нашей обреченности.

– А, по-моему, не следует очень уж пугаться, – доверительно успокаивала она. – Дело в том, что хаос и разгул человеческих страстей мир переживал во все эпохи. И пострашнее, чем в наши дни. Однако всякий раз люди преодолевали этот хаос – и выходили из него более обновлёнными. Не минует и нас с тобой сие очищение, – взгляд её заметно подобрел.

– Господи, Гизела! Как же ты изменилась! Тебя не узнать, – искренне признался я. – Ты превзошла мои ожидания. Видно, я слишком долго создаю твой образ, и ты за это время так сильно изменилась. Ты стала умнее, интересней. Но как мне объяснить читателю, что ты сама по себе

поумнела? Кто поверит в такой поразительный эволюционный скачок? Как это доказать на словах?

– Должна тебе заметить, – заговорила Гизела дружелюбно, – слова у тебя, действительно, никудышные. Ты видишь меня женщиной возвышенной, умной, стремительной. Если же вчитаться в твои тексты на бумаге, то видишь какую-то запрограммированную женщину без приятных движений души, эмоций, видишь какую-то выхолощенную, бездушную бабу. Неужели кто-то захочет подражать мне? Что нового дам я людям как положительная героиня? Научу ли я их любить ещё возвышеннее?

– М-да... Ты права, дорогая. И здесь ты права, – я сник окончательно.

– Ты слишком много даёшь мне общественных поручений, – нисколько не смутило её моё настроение. – Когда прикажешь заниматься своим, главным, делом? Я у тебя совсем ничего не делаю для души, а всё лишь по обязанности, по долгу. Поэтому делаю всё поверхностно, с напускным энтузиазмом, создавая видимость большой деятельности. А ведь я могла бы делать большие дела по внутренним своим потребностям. Я у тебя много болтаю. И, между прочим, ужасно наивно. Дай мне дело для души? – горячо заключила она. – Я хочу показать, что, прежде всего, умею что-то красиво делать.

– Хорошо, хорошо. Я что-нибудь подберу тебе, – соглашаюсь я.

– Нет во мне ничего своего, что бы отличало меня от всех остальных. Ведь если я живой человек, то должны же быть у меня и какие-то человеческие слабости. Мне, например, нравится покрасоваться нарядами, пококетничать с мужчинами. Не забывай, я все-таки женщина.

– Вот уж такого я от тебя не ожидал, – обиделся я.

– А потом, избавь меня, пожалуйста, от этого Олега, – всё решительней наступала ока.– Он, несомненно, красив, талантлив. Но, боже мой, как он скучен! Ему не о чём говорить с людьми. И всё время он кого-то строит из себя: то простачка, то супермена, то интеллектуала. Всё у него крайности. Что за участь ты ему уготовил? За что ты его так? Иногда я вижу в его глазах что-то похожее на грусть, и мне тогда кажется, что он чего-то боится, чем-то тяготится. И я начинаю понимать, что и ему приходится действовать по твоей указке. Какой-то он не такой.

– Ты думаешь?

– Я точно знаю! Например, очень уж он пассивный, вялый. Даже увлечься, как следует, женщиной не может.

– Неужели? – смутился я.

– Мне-то лучше знать! Сколько вечеров, с твоего позволения, убила с ним!

– Подумать только. Да, ты права. Он довольно пассивен.

– Инертен! – подхватила Гизела, довольная, что с нею наконец-то соглашаются. – Я никогда не полюблю такого, как бы часто ты нас ни сталкивал.

– М-да. Я постараюсь найти для тебя хорошего человека, – смирился я с большой утратой. – Ты вполне достойна. Я сделаю это при первой же возможности. Как только пристрою куда-нибудь Олега.

– Пусть он уедет куда-нибудь! – заметно оживилась Гизела, и глаза её засияли восторгом. – И больше не возвращается до самого конца!.. Если он тебе так уж дорог, то пусть он уедет по-хорошему на какую-нибудь стройку – это по-прежнему модно. А на его место может приехать другой специалист, очень славный мужчина, – всё больше загоралась она. – И не надо ему, новому-то, особой внешней красоты – был бы благороден.

– Быстро ты, однако, порешила, с Олегом-то. Человек для тебя вроде бы и никто. Куда же я дену его? Жалко ведь, – с болью заметил я.

– Зато справедливо! – круто заключила Гизела. – В жизни именно так и бывает. Жалость здесь неуместна. Он найдет по себе.

– Легко сказать, – озабоченно мямлил я. – А для меня отказаться от Олега всё равно, что вынуть из себя часть души. По-моему, ты не научилась ценить доброе дело. Ты... неблагодарна. Я по ночам не сплю, о тебе пекусь.

– А ты спи, – большие глаза её хитро прищурились. – Никто тебя не принуждает писать. Есть же у тебя основная работа, которая тебя кормит. Вот и живи себе спокойно, и спи по ночам спокойно. Кто мешает? – в голосе её звучало явное

издевательство.

– Ты! – сумрачно выдохнул я.– Ты мне не даёшь покоя. Ставишь мне особые условия. Ты неблагодарна, Гизела.

– Неблагодарна? – возмущённо всколыхнулась она в мою сторону. – А мой приход? А наша встреча? Разве это похоже на неблагодарность? Да если на то пошло, я могла бы и не прийти сюда. Ко многим ли таким, как ты, я хожу? А к тебе пришла... потому что не потеряла пока надежды, верю в тебя. Или ты хочешь подражать другим? Так, пожалуйста, штампуй себе серых героев. Только учти, я среди них толкаться не согласна!

– Извини, Гизела, – пошёл я на попятную. – Я и тут неправ.

– Почему я ко многим, успешно печатающимся, уже не хожу? Как ты думаешь?

– Ну, они, наверное, уже достигли зрелости и теперь не нуждаются в твоей помощи, – рассудил я.

– Вовсе нет, – резко вскинула она назад нависающие на лоб белые локоны. – Потому что они мало-мальски набили руку и теперь глухи, не слышат голоса своих героев. Они, эти поднаторевшие авторы, стряпают образы и сюжеты не из крови и плоти. Они лепят образы с моих многочисленных двойников.

– Каких еще двойников? – насторожился я.

Гизела снисходительно улыбнулась и пояснила:

– У меня уйма двойников. С помощью таких, как ты, в со-

временной литературе расплодила уйма двойников – в разных романах, повестях, рассказах. Глухие авторы берут этих ДВОЙНИКОВ из книг и рисуют подобия.

– Из книг – да в книгу? – возмутился я.

– Да. И у тебя пока что получается то же самое. Мой настоящий, живой образ для тебя пока недостижим. Он вообще редко кому удаётся, – с горечью сообщила Гизела.

– Видно, и мне уготована участь глухих, – уныло выдавил я. – Иногда мне кажется, что я рядом с большим собственным произведением. Но все время чего-то не хватает, чтобы дотянуться до него рукой.

– И не дотянешься, пока не посвятишь себя целиком делу. Ты должен сделать огромное душевное усилие. Ты должен возвыситься над собой – тогда ты станешь намного сильнее. Это называется – преодолеть самого себя, превзойти себя сегодняшнего, чтобы завтра ты стал немножечко другим. Это трудно – привести себя в особое состояние, но это возможно. Помнишь Рериха?.. «Через огонь мы все должны пройти, иначе и не будет возвращенья. Желать Огня, просить, чтоб он сжёг всё низменное, грязное, чужое, – таков закон Дороги возвращенья».

– Но как это сделать? – немедленно взмолился я.

– А ты подумай, – участливо сказала Гизела. – Ты не спеши, а хорошо подумай. Ты ещё молод. У тебя ещё есть время подумать. Тебе не поздно начать всё сначала. Только не ленись – от лени быстро дряхлеет душа, быстрее, чем тело.

А одряхлеешь – пропадёшь.

– Да, конечно, – охотно киваю я. – Я всё заново передумаю. Я всё обдумаю, как ты мне советуешь.

– Только не отступайся от своей мечты, – внушительно заворковала она, – Конечно, бывают обманчивые мечты. Но это уже беда человека, а не вина. Человек не может не мечтать о том, о чём он мечтать хочет... Не отступайся от своей мечты. Ты можешь трудиться в поте лица и оставить что-то доброе людям – это в высшей степени разумно и благородно. Но вместе с тем ты должен что-то сделать и для своей мечты. Будет чертовски обидно, будет страшно, если ты ничего не сделаешь для своей мечты... Это просто трагедия – ничего не сделать для своей мечты... Тот, кто осуществляет свои мечты, живёт дважды: сначала короткий миг, затем – вечно.

– Гизела! – я подался навстречу ей.

– Я ухожу, мне пора, – она посмотрела на меня с нежностью.

– Зачем же ты уходишь в сторону пропасти – ты разобьёшься! – протянул я к ней руки.

– Не бойся за меня, – сказала она с грустью.– Иди и ты со мной. Проводи меня в море...

– Да как же, со скалы да прямо в море?! – меня охватил ужас.

– Не бойся, – зашептала она. – Иди за мной. Это так просто... Иди...

Скрестив на груди свои красивые, словно высеченные из камня, руки, она застыла в позе архаического создания, напоминая нефритовую статую, и медленно удалялась от м-ей скалы.

– Ги-зе-ла-а-а-а! – отчаянно закричал я, издав звук не громче слабого шёпота.

– Иди... иди, – звала она, уходя в море, соединяясь с ним, растворяясь в нём, превращаясь в сплошную зелёно-голубую прозрачность.

Северные лилии

Едва Сергей переступил порог родного дома, как услышал:

– Мог бы и не являться.

Растерявшись, он так и остался стоять в дверях, переступая с ноги на ногу, покачиваясь. Красные, мутные глаза его сделали усилие глядеть трезво, но из этого ничего не вышло.

– Сегодня опять стояла в очереди, а Мишутку пришлось оставить одного. Папе ведь совсем некогда, – раздраженно добавила она.

Сказано это было женой так, что надо было немедленно пожалеть её, искупить вину хотя бы тем, чтобы посочувствовать ей. Но муж молчал, и она повторила:

– Два часа толклась возле прилавка.

– Машенька, – нежно вымолвил тогда Сергей, подойдя к ней, чтобы поцеловать.

– Отстань! – бросила она сердито и пошла на кухню. Он виновато поплёлся вслед. Не в состоянии держать равновесие, он то и дело глухо ударялся о коридорные стены, на кухне он перехватил из её рук большую зелёную кастрюлю и благополучно поставил её на плитку.

– Пусть разогревается. Правда, Машенька? – ободряюще произнёс муж, надеясь как-то ослабить напряжённую обстановку.

Но Маша небрежно, боком, отстранила его от кухонного стола. Включила плитку. Спираль ярко вспыхнула и погасла. Маша хотела соединить спираль, но не выключила плитку, ее сильно дёрнуло по руке.

– Д-дай сделаю, – обрадовался Сергей такому случаю.

– Отстань! – раздражённо крикнула она.

Когда он лежал на диване, ему пришли на ум гениальные, по его мнению, мысли насчёт того, как надо было вести себя, чтобы Маша не обиделась. Вообще, после того, как наломаешь дров, в голову всегда приходит тысяча других, более выгодных вариантов.

Раньше она не была такой. Теперь что ни скажи – всё её бесит. Ополчилась на его друзей. Правда, от друзей тоже можно устать. В последнее время что ни вечер – сборы. Шум, смех, анекдоты, дымище.

Он стал вспоминать, когда они последний раз оставались вечером наедине, и не мог вспомнить. Не мог также вспомнить, когда они нормально смотрели кино. Всё весёленькой гурьбой. Частенько после кино снова все прибегают к ним, чтобы продолжить по махонькой. Маша никогда не пилила его. Терпеть не может ворчание. Она только всё время старалась дать ему какое-нибудь задание, подбирала всякие интересные занятия, хотела увлечь его чем-нибудь. Он и соглашался охотно. Он для неё на все готов. Но стоило появиться ребятам, как всё сразу отменялось. Странно – она старалась занять интересным делом его. А ведь раньше он отлич-

но справлялся с этим по отношению к ней. Она признавалась ему, что она немножко лентяйка и слабая, и чтобы он ни в коем случае не давал ей киснуть.

Терпение хорошо, если не вечно. Как-то она сказала ему: – Скажи, ты действительно не можешь не пить? Или у тебя не хватает воли отвязаться от этих... Зачем я тогда надеюсь? Неужели всё время так и будет? Он так наглеет твой этот... Козлов. А ты ничего не хочешь видеть.

С какой же стати он выпил сегодня? Дай только вспомнить. А! Суббота! После бани. Этот чёртов Козлов. Собачий нюх у него, психолог проклятый. За версту поймет твоё настроение и так ловко подвернётся, что не отвяжешься. Не успел выйти из бани, кричит: «С лёгким паром, старина!». Хоть беги назад в парилку. Побежит следом, паршивец.

Устала она. Расстроилась, видно, на работе. Там, в садике, тоже надо иметь нервы. Конечно, устала. Если б что случилось, Маша пришла бы к нему на работу и сказала бы, что ей плохо, или какая-то неприятность, или просто соскучилась и хочет, чтобы он поцеловал её как-нибудь незаметно от его коллег. Это было давно, когда она вот так приходила к нему в свободную минутку, специально за поцелуем.

Лето куда-то убежало. Так и не сходили с ней в лес. Она знает здешний лес только по письмам, в которых он звал её на Север. Пройтись бы с ней вдоль реки Сеймчанки. Она послушала бы, как шумит быстрая вода.

Сергей представил себе, как они, взявшись за руки, идут,

шагают по улице. Сто лет не шли так запросто по улице. Люди смотрят, а они идут, идут.

Вот перед ними – жёлтая полоса леса. Солнце, собираясь уйти за сопки, ещё больше золотит лес. Среди высоких горящих лиственниц изредка попадаются низенькие, совсем молоденькие, салатного цвета, с острыми макушками. Кудрявое деревцо, похожее на иву, с ног до головы усыпано круглыми прозрачными цветами-шариками. Удивительно, как сохранились эти шарики, ведь давно ушло бабье лето? Наверное, соседки-лиственницы защитили от шального ветра. Если стать к деревцу так, чтобы за ним светило солнце, эти бархатистые пушистые шарики, прозрачные, как одуванчики, загораются бисером. И тогда не хватает слов. Это северная лилия.

Маша стала против солнца и, щурясь, смотрит на лилию. Кажется, прозрачные шарики зазвенели на деревце и звон этот разносится по всему лесу.

Сергей зовёт её вперед.

– Идем! Это только начало. Я покажу тебе такое, что ты... Она обхватила его. Они, обнявшись, бегут, смешно спотыкаясь. Перебираются через ручей по бревну, кем-то приспособленному для таких переходов. Выбежав из леса, они остановились, поражённые. Перед ними неохватной панорамой сияют вдали разноцветные сопки: голубые, сиреневые, сизые, желтые, лиловые. А немного выше и дальше белоснежные. Там уже снег!

Вот уже ночь. Светлая ночь. Они сидят на теплых камушках у самой кромки берега. Сеймчанка шумит и о чём-то напеваёт бесконечную свою бурную песню.

– Помнишь... Иртыш? – спросила она. – Правда, Сеймчанка чем-то похожа на Иртыш?

– Правда, правда, – говорит он, прижимаясь щекой к её щеке.

Он коснулся губами её щеки. Она повернулась к нему и... вместе с камушками вдруг поехала вниз, к обрывистому краю берега... в быструю речку. Он почему-то не кинулся спасать её, а сильно, по-страшному закричал, и тут понял, что сидит на диване...

Сергей вскочил и, чуть не плача, побежал на кухню. Маша сидела у окна и читала журнал «Юность». На обложке журнала двое – бронзовая девушка и бронзовый парень – сидят возле большого камня и смотрят в море.

– Машенька! – тревожно позвал Сергей. – Пойдём погуляем.

Синие её глазищи, вокруг которых образовались глубокие впадины, насторожились из-под жёлтой копны волос. Вся напряглась. В глазах её были и испуг, и сострадание, и еще что-то такое, что Сергей никак не мог прочесть.

– Теперь уже мы никуда не пойдём, Сережа. Никуда больше не пойдём, – с нарастающей отчаянностью сказала она.

– Нет! Машенька! Мы посмотрим наши лилии. Пушистые, прозрачные лилии. Машенька! Такие прозрачные ли-

лии, – все повторял он.

Маша, пересилив себя, молча ушла в комнату. Молча накинута на себя пальто и направилась к двери.

– Лилии! – закричал он в отчаянии. – Машенька!

Но близкая, родная Машенька, больно кусая губы, рванула дверь и выбежала.

Дверь осталась открытой настежь. И это виделось ему страшной пропастью, в которую ушло самое близкое, не взяв его с собой.

Ночь темнела за окнами. Он, трезвея все больше, смотрел на яркие звёзды и всё ждал: вот войдёт она, сядет у постели и шёпотом скажет:

– Ну, пойдём, посмотрим твои лилии.

Снятся форели

Самые тягостные для меня минуты – это в пятницу вечером. И ужин невкусный, и кино по телевизору неинтересное.

Жена, конечно, всё прекрасно замечает. Только не подаёт вида.

– Ешь суп, пока не остыл, и не выкаблучивайся, – приказывает она. – Знаю, куда клонишь. Ничего у тебя сегодня не выйдет. Завтра, как миленький, будешь сидеть дома. Сыта я уже твоей рыбалкой. С меня хватит.

– А я и не прошусь, – говорю, хотя сердце от обиды кровью обливается.

– И правильно делаешь, тебе не на что рассчитывать.

– Аннушка!..

– Хватит! Москва слезам не верит, – жёстко заключает она.

Послушно ем. Молчу. Едва сдерживаю слёзы. И жаловаться некому.

Потом лежу на диване, читаю журнальные статьи под рубрикой «Для дома, для семьи», которые жена специально для меня откладывает к пятнице. Аннушка между тем у соседки.

Страдания мои усиливаются по мере того, как за окнами наступает ночная заполярная белизна: завтра наверняка будет хороший клёв. Надо бы крючки приготовить. Серёжа где-то на улице носится. В комнате тихо. Злорадно тикает бу-

дильник.

Незаметно задремал. И сразу же вижу, как наяву, сиреневые сопки вокруг, молочно-белую речку, сияющую вдали, словно расплавленный металл. Красотища – сердце готово выпрыгнуть! Плетёмся с другом в сторону Серебрянки. Ноги сами идут, словно птицы, парим над салатно-зелёным низовьем. Потом, добравшись до места, ставим палатку. Берем закидушки, удочки и отправляемся к речке.

Вот уже сидим на бережочке. Солнце красной улыбкой сияет над сопками. Клюёт форелька – успевай смотреть в оба. Кругом такая тишина, такая благодать! И какая-то чудесная музыка, тихая, плавная, голубая, тонко звенящая небесная мелодия. А форели одна за другой подплывают и весело клюют блесенку... Тут я и проснулся.

Подбегаю к столу, вытаскиваю свою шкатулку с крючками и блеснами – сверкают, как ожерелье! В дело бы их завтра. А ребята пойдут обязательно...

Хлопнула дверь. В быстром темпе приближаются-шлепают тапочки. Второпях сунул шкатулку под подушку, да на грех одна блесна упала на пол.

– Подними ногу! – скомандовала жена.

– Зачем?

– Кому говорят!

Поднял правую ногу. Она посмотрела на меня очень нехорошо. Поднял левую – увидела на ковре блесенку.

– Ах, так! – обрушилась она. – Ну, милый мой, теперь-то

ты вообще никуда не пойдёшь.

– Ну, Аннушка!..

Ночью ворочаюсь. Как глаза закрою – форели плавают и сочувственно помахивают хвостиками. Не понять ей этого, не понять.

Аннушка тоже чего-то ворочается. Наконец слышу:

– Будить тебя утром, что ли?

– Аннушка! – завопил я.

– Лежи, помалкивай! – и наигранно сердито добавляет: – Возьмёшь, что на столе приготовила.

– Да я тебе, знаешь, какой букет цветов принесу! – в запале обещаю я, и друг вспоминаю, что цветов-то в тундре сейчас и нет: купальница и колокольчики отцвели, а иван-чай и ромашки ещё не успели, только злой цветок – лютик...

– Знаю. Спи.

Вот так всегда. Истреплет все нервы, доведёт до стрессового состояния, потом отпустит. Душа у неё отзывчивая – не выносит моих страданий. Но, как видите, вся моя рыбацкая судьба зависит от Аннушки.

А клёв завтра будет хороший – по небу вижу.

Уроки Кармен

Как только мощная толпа людей втиснула меня в вагон электрички, сразу последовало предупреждение:

– Осторожно! Двери закрываются! Электропоезд, следующий по маршруту Москва – Калуга, отправляется. Счастливого пути!

Какой уж там счастливый путь. Битый час толкался на перроне Киевского вокзала, чтобы, наконец, уехать. В субботу утром, да в разгар осенней дачной страды, можно ли рассчитывать на нормальную езду в московской электричке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.